ВХ
599

Въ пользу фонда на составленіе при Демидовскомъ Юридическомъ Лицеѣ стипендіи имени Императора АЛЕКСАНДРА II.

О ПРОИСХОЖДЕНІИ И РАЗВИТІИ РУССКАГО РАСКОЛА.

Н. С. Суворова.

Двѣ публичныя лекціи, читанныя въ залѣ Ярославской городской Думы

ЯРОСЛАВЛЬ.
Типографія Г. Фалькъ. Духовская улица, собст. домъ.
1886.

Печатано по опредѣленію Совѣта Демидовскаго Юридическаго Лицея
Директоръ *С. Шпилевскій.*

О происхожденіи и развитіи русскаго раскола.

I.

Происхожденіе русскаго раскола.

Исторія христіанства представляетъ длинную, можно сказать— непрерывающуюся вереницу такъ называемыхъ ересей и расколовъ, т. е. ученій, уклоняющихся въ большей или меньшей степени отъ принятаго церковнаго ученія и вызывающихъ къ жизни новыя религіозныя общества, отдѣленныя отъ церкви. Большая и большая вдумчивость въ Евангеліе, или разные недостатки и безпорядки въ существующей организаціи церковной, часто то и другое вмѣстѣ, служили источникомъ новыхъ религіозныхъ идей. Новыя идеи содержали обыкновенно въ себѣ дѣйствительно нѣчто новое, чему церковь никогда раньше не учила. Правда, что эти ученія и церкви самой давали поводъ высказать свой взглядъ по затронутому вопросу; но, отвергая нововведеніе, осуждая новшества, церковь оставалась на традиціонной почвѣ, отстаивала древнее преданіе, старину. Она высказывала свой старинный церковный взглядъ; только при подобныхъ обстоятельствахъ этотъ взглядъ яснѣе и подробнѣе формулировался, такъ какъ тутъ именно нужно было принять въ соображеніе вновь возникшее ученіе и отвѣтить на всѣ вопросы, возбужденные имъ. Въ этомъ отношеніи совершенно оригинальнымъ явленіемъ былъ русскій расколъ. Положимъ, и въ западной Европѣ, новыя религіозныя идеи и новыя религіозныя общества становились подъ знамя древняго апостольскаго преданія, задавались цѣлью вернуться къ первобытной древности христіанства, возстановить апостольскій характеръ церкви, очистить и освободить ее отъ всѣхъ историческихъ наро-

товъ; но для данной эпохи, для дачнаго историческаго момента новыя ученія были дѣйствительно новыми, для существующаго церковнаго порядка онѣ были разрушительными. Лютеръ, Меланхтонъ, Кальвинъ, во имя апостольской церкви, совершенно подрывали порядокъ тогдашней церкви. У насъ, на Руси, въ XVII столѣтіи, роли замѣчательнымъ образомъ перемѣстились: реформаторомъ, желавшимъ возстановить старину старую, выступило церковное правительство; консерваторами, желавшими сохранить старину существующую, обычаемъ укрѣпленную, оказались сектанты. Потомъ, далѣе, и съ русскимъ расколомъ повторилось въ концѣ концовъ тоже самое, что случалось со всѣми сектами, отдѣлявшимися отъ церкви: чѣмъ дальше двигалась исторія, тѣмъ болѣе появлялось въ расколѣ новшествъ и даже рѣзкихъ противоположностей всякой вообще старинѣ, и древней, и по обычаю существовавшей. Первоначальные вожди раскола отшатнулись бы и отреклись отъ многаго, что стало проповѣдываться позднѣйшими раскольниками. Тѣмъ не менѣе въ начальный моментъ своего историческаго происхожденія расколъ былъ безусловно консервативенъ.

И съ другой еще стороны русскій расколъ представляетъ собою явленіе своеобразное и оригинальное. На западѣ исходнымъ спорнымъ пунктомъ между католиками и протестантами оказался философскій вопросъ о свободѣ воли, о томъ, способенъ ли человѣкъ сдѣлать что либо доброе своимъ собственными силами, получаетъ ли онъ оправданіе предъ Богомъ своими усиліями, своими дѣлами, своими заслугами, или, напротивъ, человѣкъ утратилъ всякую способность дѣлать добро своими собственными силами, не въ правѣ опереться на какія нибудь свои заслуги предъ Богомъ и можетъ оправдываться передъ нимъ только лишь своею вѣрой въ Божіе милосердіе. Исходя изъ этого основнаго пункта, Лютеръ перевернулъ вверхъ дномъ и догматику, и церковное устройство. Отстаивая свое ученіе, онъ боролся не только съ оффиціальнымъ представительствомъ католической церкви, которое и

съ своей стороны могло выставить не мало ученыхъ богослововъ, но и съ величайшимъ представителемъ гуманизма,—съ королемъ гуманизма, какъ его называютъ,—съ Эразмомъ роттердамскимъ. Напротивъ, у насъ спорными пунктами оказались обрядъ, буква и правописаніе. Двумя или тремя пальцами дѣлать на себѣ крестное знаменіе, дважды или трижды говорить аллилуію, какъ писать имя Спасителя; „Іисусъ“, или „Іисусъ“, читать ли 8-й членъ символа вѣры: „и въ Духа Святаго Господа животворящаго“, или: „и въ Духа Святаго истиннаго животворящаго“, ходить ли въ церкви, напр. при вѣнчаньѣ, вокругъ аналоя, по солнцу, или противъ солнца, четвероконечному кресту кланяться, т. е. такому, на которомъ только одна поперечная пластинка—для рукъ Распятаго, или восьмиконечному, т. е. такому, на которомъ имѣются еще двѣ поперечныя пластинки—подъ ногами Распятаго и надъ Его головой, съ надписью,—какова должна быть именно эта надпись: „Іисусъ Назарянинъ царь Іудейскій“, или: „Іисусъ Сынъ Божій царь славы“, на пяти или на семи просфорахъ служить литургію, дѣлать ли молитвенное обращеніе къ Христу въ такой формулѣ: Господи Іисусе Христе Сыне Божій, помилуй насъ“, или въ такой: „Господи Іисусе Христе, Боже насъ, помилуй насъ, и т. п.,—вотъ какіе спорные пункты произвели религіозное раздѣленіе въ русскомъ народѣ. Что же? Ужели эти пункты были на столько важны, чтобы произошелъ изъ за нихъ религіозный расколъ? Если они считались дѣйствительно важными, то почему придавалась имъ эта важность? Какимъ образомъ раздѣленіе произошло именно изъ за буквы, изъ за правописанія, изъ за обряда? Наконецъ, какъ могло случиться, что отъ церкви отдѣлилась часть ея членовъ изъ желанія удержать старину, между тѣмъ какъ церковное правительство отреклось отъ этой старины, во имя еще болѣе древней, незапамятной старины?

Въ наше время, смотря, такъ сказать, съ высоты XIX в. на религіозную распрю XVII столѣтія, можно, пожалуй, какъ и дѣлает-

ся нерѣдко, выразить нѣкоторое сожалѣніе объ ограниченности и неразвитости раскольниковъ, но въ тоже время, со всею строгостію, осудить ихъ за то, что они съ невѣжественнымъ упорствомъ ухватились за обряды и за букву, придавъ имъ главное значеніе въ религіи, смотря на нихъ, какъ на догматъ вѣры. Дѣло, однако, заключается не въ одномъ только недостаткѣ просвѣщенія. Недостатокъ просвѣщенія отрицать дѣйствительно невозможно; но это была болѣзнь времени, а не однихъ только раскольниковъ. Тѣ, которые осудили раскольниковъ, точно также придавали слишкомъ важное значеніе буквѣ и обряду, только другой буквѣ и другому обряду,—не тѣмъ, которыхъ придерживались раскольники. Книжные люди московскаго государства не отличались любовью къ философіи, не любили разныхъ мнѣній и мудрованій, а при отсутствіи реальнаго знанія, котораго и на западѣ не было въ средніе вѣка, стало быть и вообще не имѣли никакихъ умственныхъ интересовъ, кромѣ религіозныхъ. Но каковы могли быть религіозные интересы у людей не только безъ всякаго положительнаго знанія, но и безъ привычки къ мышленію? Современная наука съ полнымъ правомъ можетъ относиться свысока къ средневѣковой западной схоластической наукѣ. Но схоластика была все таки наукой, она постоянно держала мысль въ напряженіи, она дисциплинировала мышленіе, пріучила его къ порядку и систематичности. Корифеи античной философіи, Платонъ и Аристотель, въ особенности послѣдній, изучались на западѣ съ самаго начала среднихъ вѣковъ съ неменьшимъ усердіемъ, чѣмъ Св. Писаніе и сочиненія учителей церкви. Не смотря на варварскую латынь, казуистичность, часто пустую безсодержательную діалектику, работа схоластиковъ была далеко не безплодною, а напротивъ сдѣлала возможною новѣйшую философію. Не вдругъ же человѣческая мысль перешагнула съ Платона и Аристотеля прямо къ Декарту и Бэкону. Средневѣковые мыслители занимались тѣми же вопросами о Богѣ, о мірѣ, о человѣкѣ, которыми занимались древніе и занимаются новѣйшіе философы. Даже и тотъ, излюб-

ленный, пріемъ средневѣковой діалектики, который состоялъ въ томъ, чтобы, выставивъ извѣстное положеніе, приводить во-первыхъ все, что можно сказать *въ пользу* этого положенія, и затѣмъ все, что можно было возразить *противъ* него,—пріемъ, повидимому, представлявшій собою не болѣе какъ праздную гимнастику и эквилибристику ума,—даже и онъ оказался не совсѣмъ безплоднымъ: позднѣйшіе деисты позаимствовались очень многимъ изъ того, что приводилось схоластиками *противъ* разныхъ церковныхъ положеній. Страннаго тутъ ничего нѣтъ: въ исторіи еще не бывало примѣра, чтобъ мысль человѣческая работала вполнѣ безплодно втеченіе нѣсколькихъ столѣтій, а напротивъ всегда бывало такъ, что работа несовершенная дѣлала возможною работу болѣе совершенную. Странно, напротивъ, то, что люди, занимающіеся воздѣлываніемъ богословія и философіи въ настоящее время, упражняются въ гимнастикѣ уже довольно вредной, дѣлая исполинскій скачокъ отъ античной философіи къ новоевропейской, оставляя въ совершенномъ невѣдѣніи громадный періодъ времени въ развитіи человѣчества, называемый средними вѣками.

Итакъ, московскіе книжники оставались совсѣмъ не затронутыми умственнымъ движеніемъ запада. Имъ даже противна была философія: не видѣли они въ ней ничего, кромѣ грѣховнаго лукавства мысли. Все философское называли они „еллинскимъ“, въ смыслѣ языческаго, и „латинскимъ“, въ смыслѣ еретическаго. Съ скромностію, но вмѣстѣ съ тѣмъ съ большимъ самодовольствомъ московскій грамотѣй говорилъ о себѣ: „философію ниже очима видѣхъ и не учихся у философовъ, ни платоновыхъ, ни аристотелевыхъ бесѣдъ не слышахъ, ни философіи не навыкъ“. Вмѣсто философіи и наукъ рекомендовалось учиться смиренномудрію и книгамъ благодатнаго закона. „Братіе, не высокоумствуйте,— учили у насъ въ старину,—но въ смиренномудріи пребывайте... Если кто тебя спроситъ: знаешь ли всю философію?—отвѣчай: за еллинскими борзостями не

гонялся, риторскихъ астрономовъ не читалъ и съ мудрыми философами не бывалъ, а учусь книгамъ благодатнаго закона, какъ спасти мою грѣшную душу отъ грѣховъ". Съ этой точки зрѣнія одинъ изъ вождей раскола, попъ Лазарь, былъ вполнѣ выразителемъ взглядовъ своего времени, когда, въ письмѣ къ царю Алексѣю Михайловичу, находилъ отступленіе отъ благочестивыхъ законовъ отеческихъ въ томъ, что царь имѣетъ у себя въ чести „мудрыхъ философовъ, разсуждающихъ лица небесе и земли и звѣздъ хвосты аршиномъ измѣряющихъ". Не прочь были, пожалуй, наши книжники выступить иногда и съ своимъ аршиномъ; но умственный кругозоръ былъ у нихъ настолько ограниченъ, что они могли задавать себѣ лишь такіе хитроумные вопросы, какъ напр. какое названіе тому дереву, на которомъ повѣсился Іуда? Или: въ какомъ мѣсяцѣ Богъ сотворилъ Адама? Затѣмъ что касается морали, нравственныхъ правилъ жизни, наши старинные книжники составили себѣ односторонній нравственный идеалъ, на основаніи, главнымъ образомъ, тѣхъ сочиненій св. отцовъ и житій святыхъ, въ которыхъ восхваляются твердость въ вѣрѣ предъ невѣрными, удаленіе изъ міра въ пустыню и борьба съ плотію. Другая сторона нравственнаго христіанскаго идеала—любовь къ Богу и къ ближнему, не выходя изъ міра—оставалась очень неразвитою.

Однако, при своемъ небогатомъ умственномъ капиталѣ, русскій грамотный человѣкъ отличался гордостію и самомнѣніемъ. По отзыву иностранца Ульфельда о русскихъ людяхъ XVI в., русскіе считали вѣрнымъ и непреложнымъ все, что ни сказали бы они, не терпѣли противорѣчія въ разсужденіяхъ, не удостоивали выслушать другихъ, перебивали слова. Въ области религіозной самомнѣніе доходило до того, что русскіе приписывали себѣ, такъ сказать, монополію спасенія, только себя считали народомъ христіанскимъ, предметомъ Божіихъ попеченій; въ другихъ странахъ, по ихъ мнѣнію, жили люди поганые, некрещенные, нехристи; латынянъ считали нужнымъ перекрещивать, или, пра-

вильнѣе говоря, крестить, какъ некрещенныхъ, если бы кто либо изъ нихъ пожелалъ принять православіе; самихъ грековъ, отъ которыхъ когда-то русскіе получили вѣру, считали нужнымъ посылать въ монастыри, чтобы поучить ихъ и исправить въ вѣрѣ; малороссіянъ подозрѣвали во многихъ заимствованіяхъ изъ латинства и смотрѣли на нихъ далеко неблагосклонно. Чтобы объяснить себѣ это слишкомъ пренебрежительное мнѣніе московскихъ книжниковъ о другихъ народахъ и слишкомъ заносчивое представленіе о себѣ самихъ, нужно принять во вниманіе ту идею, которая съ тѣмъ большею силою господствовала въ московскихъ книжныхъ и правительственныхъ сферахъ, что, при малыхъ умственныхъ средствахъ, не могло быть конкурренціи разнообразныхъ идей,—одна идея безраздѣльно завладѣла умами, сколько нибудь возвышавшимися надъ народною массою.

Идея эта есть идея историческаго преемства послѣ погибшей византійской имперіи. Исторія новыхъ народовъ западной и восточной Европы имѣетъ ту общую черту, что жизнь ихъ начинается въ средніе вѣка подъ руководствомъ церкви. Но западноевропейскіе народы приняли христіанство отъ стараго Рима и подчинились его духовной власти, а народы восточной Европы—отъ новаго Рима—Константинополя и подчинились духовной власти этого послѣдняго. Идея вѣчнаго Рима, высказывавшаяся еще античными римлянами, черезъ нѣсколько вѣковъ послѣ паденія западной римской имперіи ожила снова въ представленіяхъ передовыхъ людей западной Европы и выразилась въ созданіи священной римской имперіи германскаго народа. Новый Римъ, Константинополь, считалъ эту западную римскую имперію самозванною и, въ особенности послѣ церковнаго раздѣленія между востокомъ и западомъ, смотрѣлъ на старый Римъ, какъ на погибшій для христіанства, такъ что, слѣдовательно, новый Римъ долженъ былъ считаться единственнымъ представителемъ Рима вѣчнаго и христіанскаго. Но вотъ послѣ многовѣковой борьбы съ магометанствомъ, восточная римская имперія разрушается, какъ

разрушилась за 1000 лѣтъ передъ тѣмъ западная римская имперія. Новый Римъ, оплотъ христіанства по взгляду русскихъ, которые отсюда именно получили вѣру христіанскую, становится добычей магометанъ. Другіе народы восточной Европы, принявшіе византійское же христіанство, точно также порабощены туркамъ. Мало того, на закатѣ своихъ дней, сама византійская имперія поскользнулась и попатнулась въ православіи, вступивъ въ унію съ латынствомъ на соборѣ во Флоренціи. Вѣра византійцевъ сдѣлалась подозрительною, „испроказилась“, въ глазахъ русскихъ. Послѣ потери политической независимости, византійцы даже книгъ церковныхъ не въ состояніи были печатать у себя. Церковныя книги должны были печататься въ западно-европейскихъ типографіяхъ Венеціи, Парижа и пр. Стало быть, разсуждали русскіе, латынство имѣло тутъ полную возможность отравлять и заражать чистую вѣру въ самомъ источникѣ, окончательно „испроказить“ православіе. Но долженъ же Богъ поручить какому либо народу хранить истинную вѣру на землѣ? Чьи нибудь сильныя руки должны взять этотъ священный кивотъ завѣта изъ разслабленныхъ рукъ Византіи? О, да, разумѣется, и этимъ народомъ можетъ быть только русскій народъ, который, по милости Божіей, стряхнулъ съ себя иго татарское какъ разъ около того времени, какъ греки и православные народы восточной Европы покорились магометанамъ, и, не обезсиливаемый удѣльною рознію, живетъ подъ властію сильнаго московскаго князя. Ко времени перваго московскаго царя Ивана Васильевича IV, постаравшагося скрѣпить свое царское вѣнчаніе признаніемъ восточныхъ патріарховъ, московскіе книжники имѣли подъ руками уже не мало солидныхъ доказательствъ, подтверждавшихъ наслѣдственныя права Москвы послѣ Константинополя. Оказывалось, что и христіанскую вѣру русскіе получили отъ того же апостола Андрея Первозваннаго, отъ котораго получила ее и Византія. Оказывалось, что еще за долго до паденія восточной имперіи императоръ Константинъ Мономахъ передалъ по наслѣд-

ству, или, какъ другіе говорили, императоръ Алексѣй Комненъ прислалъ нарочито знаки императорскаго достоинства русскому князю Владиміру Мономаху. Оказалось далѣе, что бѣлый клобукъ, который будто бы былъ врученъ нѣкогда Константиномъ великимъ римскому папѣ Сильвестру, какъ отличительный знакъ первосвященническаго достоинства, но потомъ, вслѣдствіе нечестія папъ, по особому откровенію, былъ отосланъ изъ Рима въ Константинополь, отсюда опять, по особенному откровенію, передъ паденіемъ Константинополя, препровожденъ былъ въ русскую землю. Утверждалось, что Сильвестръ, явившись во снѣ константинопольскому патріарху, сказалъ ему: „какъ отъ Рима отнята была благодать, честь и слава, точно также и отъ Константинополя благодать Св. Духа отымется, и все святое будетъ передано великой русской землѣ“. Оказалось наконецъ, что великая святыня—икона Тихвинской Божіей Матери чудеснымъ образомъ оставила византійскую имперію и перешла на Русь.

Не мудрено, что бракъ Ивана III съ отпрыскомъ византійскаго императорскаго дома—Софьей Палеологъ не могъ разсматриваться иначе, какъ одинъ изъ тѣхъ провиденціальныхъ фактовъ, которыми Богъ ясно выражаетъ свою волю въ судьбахъ человѣчества. Не мудрено и то, что царь Иванъ IV, уже ни мало не смущаясь, увѣрялъ и себя, и своихъ подданныхъ, и иностранныхъ пословъ, что родъ его идетъ по прямой линіи отъ римскаго кесаря Августа, и что эта, сочиненная имъ самимъ, генеалогія будто бы всему свѣту извѣстна.

Итакъ идея византійскаго преемства съ величайшею силою овладѣла передовыми русскими людьми. Изъ провиденціальныхъ событій исторіи они усматривали, что на народъ русскій и на царя московскаго возлагается Богомъ шапка Мономаха, со всѣмъ ея величіемъ и со всѣмъ ея тягостями. Главнѣйшая обязанность, связанная съ этой шапкой Мономаха, дожна была состоять въ сохраненіи истинной христіанской вѣры, православія. Но что же могъ русскій человѣкъ, хотя бы и книжный, понимать подъ

православіемъ? Вопервыхъ, онъ зналъ отъ грековъ, слышалъ отъ нихъ безчисленное множество разъ, что нѣтъ на свѣтѣ злѣе латынской ереси, что православному не слѣдуетъ состоять даже въ какихъ бы то ни было отношеніяхъ съ латынянами, не слѣдуетъ ѣсть изъ одного съ ними блюда и т. п. Если греки сами вступили въ унію съ латынствомъ, если и югозападная, кіевская Русь также вошла въ соприкосновеніе съ латынствомъ; то тѣмъ хуже и для грековъ, и для малороссіянъ, но вмѣстѣ и тѣмъ страшнѣе отсюда отвѣтственность передъ Богомъ для великорусскаго народа и московскаго государя. На нихъ пала вся тяжесть высокой и вмѣстѣ страшной задачи. Вѣдь если здѣсь угаснетъ истинная вѣра, такъ значитъ и вообще погибнетъ она на землѣ: „четвертому Риму не быть“,—такъ сказалъ и папа Сильвестръ, явившійся во снѣ константинопольскому патріарху. Значитъ, какъ заботливо, вѣрно и осторожно нужно хранить ввѣренное Богомъ сокровище! Русскій человѣкъ привыкъ къ извѣстному богослужебному порядку, къ извѣстнымъ книгамъ, по которымъ богослуженіе совершается, къ извѣстнымъ религіознымъ обрядамъ. Въ этомъ порядкѣ, въ этихъ книгахъ, въ этихъ обрядахъ, онъ и могъ только поставлять православіе. Полетъ русскаго ума не былъ такъ высокъ, чтобы наши предки могли взглянуть, такъ сказать, сверху на обрядовую сторону религіи. Безъ этой обрядовой стороны, русскій человѣкъ долженъ бы былъ остаться буквально не причемъ. Понятно, что эта сторона религіи и должна была стать предметомъ самаго заботливаго, самаго тщательнаго храненія и попеченія со стороны религіознаго русскаго человѣка. Опасливо отстраняя себя отъ всякаго общенія съ западомъ, русскій человѣкъ считалъ своимъ священнымъ долгомъ хранить все то, что есть въ церковныхъ книгахъ и обрядахъ, оберегать каждую букву, не допускать ни малѣйшей перемѣны, умирать за „одинъ азъ“, если бы какая либо власть покусилась исключить эту букву оттуда, гдѣ она была, или внести ее туда, гдѣ ея не было. Грамотные русскіе люди не могли допустить,

чтобы самыя мелочныя вещи не имѣли особаго, глубокаго, таинственнаго значенія.

Однако,—замѣчательное явленіе исторіи!—въ то самое время какъ передовые люди книжныхъ и правительственныхъ сферъ болѣе и болѣе выясняли и усвояли себѣ русскую историческую задачу, какъ они ее понимали, въ русскія богослужебныя книги и въ церковные обряды, благодаря намѣреннымъ и ненамѣреннымъ ошибкамъ писцовъ и переписчиковъ, внесено было не малое число разностей, сравнительно съ греческими подлинниками и даже старинными славянскими рукописями.

Само собою разумѣется, что эти разности принимались на вѣру, какъ и все содержащееся въ церковныхъ книгахъ, безъ критической провѣрки по подлинникамъ. Переписчиками дѣло не ограничилось. Государствованіе перваго московскаго царя Ивана IV представляетъ два поучительныя явленія, свидѣтельствующія о томъ, что если сознаніе національнаго достоинства, чувство народной гордости производитъ много великаго въ исторіи, то, напротивъ, непродуманное и неосмысленное національное самомнѣніе можетъ повести къ печальнымъ послѣдствіямъ. Исторія освободила русскій народъ отъ посторонней опеки, не давъ ему въ тоже время достаточнаго образованія, не поставивъ его твердо на ноги, и надѣла на него и на царя шапку Мономаха,—и вотъ мы сразу же видимъ самомнѣніе царя и самомнѣніе духовной іерархіи. Самомнѣніе царя, производившаго свой родъ отъ кесаря Августа, выразилось въ тиранніи, не находившей никакой сдержки и никакого противовѣса. Самомнѣніе духовной іерархіи выразилось въ опредѣленіяхъ знаменитаго стоглаваго собора 1551 г., который, не сносясь съ другими церквами и не справляясь съ древними греческими и славянскими книгами, постановилъ новые догматы: креститься двумя пальцами, аллилуію говорить подважды, не брить бородъ и усовъ не постригать, подъ страхомъ церковнаго проклятія. Русскій взглядъ на обрядъ не могъ быть выраженъ яснѣе и рѣшительнѣе. Члены собора, ар-

хіереи, понимали религію точно также, какъ и всѣ остальные, книжные и не книжные, люди московскаго государства, т. е. поставляли ее въ обрядахъ, изъ обрядовъ дѣлали догматъ вѣры, и при этомъ еще вдобавокъ догматизировали такіе обряды, которые не могли быть подтверждены древними книгами, а установились собственно въ московскомъ государствѣ, или даже совсѣмъ не имѣли никакого отношенія къ религіи.

Не разъ греки, приходившіе въ Москву, смущали русское церковное правительство, утверждая, что въ православной русской землѣ существуетъ много такого, чего нѣтъ и не было не только въ современной, но и въ древней православной Византіи. Смутиться было отъ чего: продолжательница и преемница древней православной Византіи, поставившая себѣ задачею соблюсти истинную вѣру, не соблюла ея, не исполнила своего назначенія, допустила разныя уклоненія отъ православія! Но съ другой стороны не разъ же можно было наблюдать зловѣщія примѣты сопротивленія всякимъ попыткамъ внести какую бы то ни было поправку въ установившуюся церковную обрядность. Еще при отцѣ Грознаго, великомъ князѣ Василѣ Ивановичѣ, ученый грекъ Максимъ,— не одинъ изъ тѣхъ заурядныхъ грековъ, авантюристовъ и попрошаекъ, которые во множествѣ прибывали въ Россію, а грекъ ученый, серьезный и добросовѣстный,—занялся было исправленіемъ ошибокъ въ московскихъ церковныхъ книгахъ.., но не добромъ и кончилъ онъ, а пожизненнымъ заточеніемъ въ монастырской тюрьмѣ. Приставленный къ Максиму помощникъ по исправленію книгъ, Медоварцевъ показывалъ на судѣ, къ которому привлеченъ былъ Максимъ, что его, помощника, дрожь проняла великая и ужасъ на него напалъ, когда Максимъ велѣлъ ему загладить нѣсколько строкъ въ одной церковной книгѣ: такъ смотрѣлъ русскій человѣкъ на исправленіе церковныхъ книгъ. Или вотъ другой примѣръ. Архимандритъ Сергіевой Лавры Діонисій—лицо, имѣвшее не малое право на вниманіе и уваженіе, тотъ самый Діонисій, который въ смутное время самозванщины

и междуцарствія, разсылалъ горячія патріотическія воззванія по всей русской землѣ, приглашая идти къ Москвѣ и спасти русское отечество, исключилъ изъ церковнаго требника одно слово, дѣйствительно не у мѣста и безъ смысла вставленное переписчиками, исключилъ притомъ не самовольно, а по порученію церковнаго правительства, которое возложило на него трудъ пересмотрѣть нѣкоторыя церковныя книги. И Діонисій долженъ былъ цѣлый годъ томиться скованнымъ въ монастырской тюрьмѣ и оказался оправданнымъ на окончательномъ судѣ только потому, что за него вступился отецъ царя, Филаретъ, вернувшійся изъ польскаго плѣна. При царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ и патріархѣ Іосифѣ предпринимается, по видимому, радикальная мѣра: исправленіе и печатаніе церковныхъ книгъ поручено „справщикамъ“, довѣреннымъ людямъ, самымъ видным и разумнымъ протопопамъ и священникамъ московскимъ и иногороднымъ. Въ то же время на востокъ посылается монахъ Арсеній Сухановъ, для изученія тамошнихъ обрядовъ и книгъ. И что же? Довѣренные люди оставили безъ измѣненія всѣ существовавшія въ русскихъ книгахъ особенности отъ греческихъ, мало того, вначалѣ книгъ они помѣстили еще особое наставленіе, въ видѣ предисловія, о томъ, что креститься нужно непремѣнно двумя пальцами. И безъ этихъ наставленій, всѣ и каждый, начиная съ царя и патріарха и оканчивая послѣднимъ нищимъ московскаго государства, крестились двумя пальцами. А тутъ еще особыя наставленія о двуперстіи въ книгахъ, оффиціально изданныхъ церковнымъ правительствомъ; вѣдь протопопы и священники, завѣдывавшіе печатаніемъ, были довѣренными отъ правительства лицами, дѣло ихъ было дѣломъ оффиціальнымъ. Посмотримъ затѣмъ, какъ исполнялъ свое порученіе отправленный на востокъ монахъ Арсеній Сухановъ, для изученія тамошнихъ книгъ и обрядовъ. Однимъ изъ первыхъ извѣстій, дошедшихъ до него, по прибытіи на востокъ, былъ слухъ, что греческіе монахи на Аѳонѣ сожгли московскія книги, какъ еретическія, да хотѣли сжечь и того серба, у ко-

тораго нашлась эти книги. Русскій монахъ вступилъ въ преніе съ восточными архіереями, съ большею даже ловкостію доказывая имъ, что русскій обрядъ правильнѣе греческаго, и что вообще греки утратили все, чѣмъ могли нѣкогда гордиться, и все доброе и святое, чѣмъ они владѣли когда-то, перешло къ русскимъ, что русскіе могутъ прожить такъ же хорошо безъ восточныхъ патріарховъ, какъ восточные патріархи живутъ безъ папы.

И вдругъ рѣзкая перемѣна картины! Слѣдующій за Іосифомъ патріархъ, Никонъ, однимъ ударомъ разрушаетъ установившуюся русскую церковную обрядность. Онъ прочиталъ въ одной грамотѣ, что не слѣдуетъ допускать никакихъ новшествъ въ православной церкви, и пришелъ „въ великій страхъ“, убѣдившись изъ сравненія русскихъ книгъ съ греческими подлинниками, что между тѣми и другими далеко нѣтъ полнаго соотвѣтствія, что даже и въ символѣ вѣры есть разности. Кромѣ „великаго страха“, который почувствовалъ Никонъ, сдѣлавъ это открытіе, другое, очень сильное чувство подсказывало ему рѣшимость безъ всякихъ колебаній и промедленій взяться за исправленіе церковныхъ книгъ,—эллинофильство. Никонъ былъ эллинофилъ по принципу: онъ самъ говорилъ о себѣ, что любитъ страстно все греческое, какъ истый грекъ. Ему достаточно было напр. взглянуть на греческій клобукъ, чтобы въ немъ сейчасъ же явилась мысль о замѣнѣ прежняго русскаго клобука греческимъ. Отъ мысли къ дѣлу, отъ рѣшимости къ исполненію перейдти было не трудно такому человѣку, какъ Никонъ. Недостаткомъ энергіи онъ не страдалъ, не могъ пожаловаться и на недостатокъ власти. Онъ былъ „великимъ государемъ“ на Москвѣ. Онъ не только стоялъ рядомъ съ другимъ великимъ государемъ—царемъ, но и затмѣвалъ царя. Итакъ рѣшено возстановить чистоту древне-греческаго обряда и древне-греческой буквы, искоренить всѣ обрядовыя отступленія, создавшіяся въ московскомъ государствѣ въ теченіе не одной сотни лѣтъ. Рѣшеніе это не бы-

особенно плодотворны по своей основной идеѣ: предпринималась реформація буквы во имя буквы же, а не во имя какихъ либо высшихъ истинъ православія. Но не только не плодотворнымъ, а въ высшей степени печальнымъ по своимъ историческимъ послѣдствіямъ было самое выполненіе рѣшенія, неподготовленное, крутое и безжалостное. Уже факты изъ прошлаго ясно говорили о всей опасности подобныхъ предпріятій. Но были факты и поновѣе. Такъ напр. Никонъ, въ началѣ своего патріаршества, распорядился, чтобы великимъ постомъ, при произношеніи извѣстной молитвы: „Господи и владыко живота моего", кланялись въ землю не 16 разъ, какъ дѣлалось нашими богомольными предками, а четыре раза,—и нашлись люди, которые усмотрѣли въ этомъ нововведеніи „ересь непоклонническую". Или напр. нѣсколько раньше, когда Никонъ былъ митрополитомъ новгородскимъ, многіе изъ русскихъ, въ томъ числѣ даже патріархъ Іосифъ, отнеслись въ высшей степени неодобрительно, какъ къ „ереси" же, къ введенію „единогласія" вмѣсто „многогласія". Наши предки считали долгомъ соблюдать во всей строгости богослужебные уставы, считали величайшимъ грѣхомъ выпустить какіе либо стихи, молитвы и псалмы, положенные по уставу; но въ тоже время они не прочь были поскорѣе отдѣлаться отъ службы. Поэтому, не выпуская ничего ни въ чтеніи, ни въ пѣніи, они старались ускорить ходъ богослуженія такимъ образомъ, что разомъ въ нѣсколько голосовъ кто пѣлъ, кто читалъ, кто ектенію говорилъ. Тутъ уже не трудно было понять, безъ всякой справки съ какими либо рукописями, просто по здравому смыслу, что прекращеніе „многогласія" было прекращеніемъ очевиднаго безобразія. И однако, не говоря о другихъ, даже самъ патріархъ осуждалъ это нововведеніе: обрядъ въ извѣстной формѣ сдѣлался настолько привычнымъ для всѣхъ, книжныхъ и не книжныхъ, оффиціальныхъ и частныхъ лицъ, что всякая неожиданная и неподготовленная перемѣна ошеломляла ихъ.

Не взвѣсивъ очень ясныхъ и внушительныхъ указаній исто-

ріи и собственнаго опыта, слѣдуя лишь своей идеѣ и полагаясь на свою широкую власть, не обращая ни малѣйшаго вниманія на состояніе умовъ, Никонъ производитъ радикальнѣйшую перемѣну въ существовавшей церковной обрядности. Однако, и онъ исправилъ далеко не всѣ неисправности въ церковныхъ книгахъ. А что касается сдѣланныхъ имъ исправленій, то относительно нѣкоторыхъ и теперь еще раскольники не безъ успѣха доказываютъ, что до никоновская практика была лучше, напр. относительно двуперстія, или относительно чтенія 8-го члена символа вѣры. Относительно другихъ перемѣнъ, можно было сослаться на извѣстные по лѣтописямъ факты, и на соборныя постановленія, напр. относительно хожденія посолонь, или относительно четвероконечнаго креста, относительно сугубой аллилуіи. Относительно нѣкоторыхъ нововведеній нельзя даже было видѣть, чтобы Никонъ дѣйствовалъ по греческимъ образцамъ,—таковы напр. звонъ къ достойну, пятиглавая форма храмовъ. Наконецъ относительно всѣхъ нововведеній можно сказать, что они дѣлались въ единственномъ разсчетѣ силою сломить всякое сопротивленіе. Патріархъ сознавалъ необходимость исправленія, а сознаетъ ли еще кто нибудь, кромѣ него, эту необходимость,—такимъ вопросомъ новаторъ не задавался. Онъ сознавалъ себя сильнымъ провести всякую реформу. Старые обряды объявлены не только неправильными, а прямо еретическими, и подвергнуты проклятію. Едва ли можно было поступить болѣе безжалостно съ русскимъ религіознымъ чувствомъ. Какъ? Старые обряды и старыя книги еретическія? Да вѣдь по этимъ книгамъ спаслось столько русскихъ святыхъ, Богомъ прославленныхъ за свою святость? Значитъ и тѣ святые—не святые, а еретики? Такія вещи можетъ говорить только тотъ, кто самъ еретикъ. Къ тому же, вмѣсто прежнихъ „справщиковъ“, людей дѣйствительно невѣжественныхъ, исправленіе и печатаніе церковныхъ книгъ было поручено кіевскимъ ученымъ, т. е. малороссіянамъ, вѣра которыхъ давно уже была подозрительна въ глазахъ мос-

ковитянъ, и нѣкоему Арсенію греку, о которомъ положительно было извѣстно, что онъ нѣсколько разъ перемѣнялъ вѣру: принималъ и православіе, и католицизмъ, и даже магометанство. Не чему удивляться, если дѣйствія Никона вызвали церковный расколъ, и если первыми вождями раскола оказались именно тѣ „справщики“, протопопы и священники,—Нероновъ, Аввакумъ, Даніилъ, Логинъ и друг., которые отстранены были патріархомъ Никономъ отъ печатанія книгъ. Жесткость, съ которою Никонъ старался достигнуть выполненія своей задачи, могла только вредить дѣлу исправленія и усиливать расколъ. Люди, которые осмѣливались противорѣчить, разстригались и ссылались на заточеніе въ монастыри; особенно трагическая судьба постигла одного архіерея, епископа Павла коломенскаго. Послѣ позорнаго разстриженія, онъ былъ преданъ тяжкому тѣлесному наказанію и сосланъ въ заточеніе; на соборѣ 1667 г. было заявлено, что епископъ, находясь въ заточеніи, сошелъ съ ума, и никто не видѣлъ какъ онъ погибъ, бѣдный, звѣрями ли растерзанъ, или упалъ въ рѣку и утонулъ,—а по раскольническимъ извѣстіямъ, онъ былъ сожженъ, по приказанію Никона.

Насколько неблагоразуміе не принадлежало къ числу добродѣтелей знаменитаго патріарха, видно изъ того, какъ онъ поступилъ съ иконами, писанными по польскимъ и французскимъ образцамъ, а не по византійскимъ. Въ недѣлю православія такія иконы, отобранныя у бояръ, у которыхъ онѣ были найдены, представлены были въ церковь. Здѣсь, въ присутствіи царя и массы богомольцевъ, преданы были анаѳемѣ всѣ, кто будетъ впредь писать или держать у себя французскія иконы. При этомъ патріархъ бралъ одну за другою подносимыя ему новыя иконы, показывалъ ихъ народу и затѣмъ бросалъ на желѣзный полъ съ такой силой, что иконы разбивались. Результатъ былъ тотъ, что москвичи стали называть патріарха иконоборцемъ.

Былъ моментъ, когда суровый патріархъ, повидимому, сознался, что онъ зашелъ слишкомъ далеко, преслѣдуя церковныя неис-

правности. Разсуждая съ однимъ изъ прежнихъ „справщиковъ“, превратившимся въ вождя раскольниковъ, Иваномъ Нероновымъ, Никонъ плакалъ, слыша отъ него упреки въ жестокости, и даже высказался, что „и старыя, и новыя книги хороши, по которымъ де хочешь, по тѣмъ и служишь“. Можетъ быть справедливо предположеніе извѣстнаго церковнаго историка, покойнаго митрополита московскаго Макарія, что если бы Никонъ продолжалъ занимать патріаршую каѳедру, то при немъ же и уладилось бы столкновеніе между старымъ и новоисправленнымъ обрядомъ, допущено было бы совмѣстное существованіе того и другаго на равныхъ правахъ. Но Никонъ удалился съ патріаршей каѳедры; въ теченіе 8 лѣтъ патріарха не было: и личнымъ врагамъ Никона, и противникамъ его церковныхъ нововведеній открылась возможность дѣйствовать болѣе свободно въ защиту своихъ взглядовъ. Разъ, толчокъ былъ данъ сильный,— движеніе уже не останавливалось. Да къ несчастію еще, дѣло это изъ рукъ эллинофила—московскаго патріарха—перешло теперь въ руки самихъ эллиновъ—восточныхъ патріарховъ. Они приглашены были царемъ для суда надъ разнуздавшимся московскимъ патріархомъ. На русскую землю вступили они съ сознаніемъ своей высшей судебной власти; на пути въ Москву принимали по городамъ и селамъ челобитныя, творили судъ и расправу, разстригали духовныхъ лицъ за приверженность къ стариннымъ русскимъ обрядамъ, принимали подъ свою защиту и освобождали даже сосланныхъ, политически компрометировавшихъ себя лицъ.

Въ 1667 г. въ Москвѣ составился достопамятный соборъ, который осудилъ московскаго патріарха, но вмѣстѣ тутъ же разыгралъ и роль исторической немезиды по отношенію къ русскому самомнѣнію. Московскій царь предсталъ передъ достопочтеннымъ соборомъ, какъ подсудимый, со слезами на глазахъ и даже съ плачемъ оправдывающійся отъ обвиненій, взводимыхъ на него московскимъ патріархомъ, и въ свою очередь самъ обвиняющій патріарха передъ судьями. Не спасся отъ униженія и московскій соборъ вре-

менъ Грознаго, такъ называемый стоглавый соборъ 1551 г.— тотъ самый, который догматизировалъ двуперстіе и сугубую аллилуію: объ этомъ соборѣ достопочтенные судьи выразились, что онъ поступилъ такъ „простотою и невѣжествомъ“. Упорные приверженцы старыхъ обрядовъ преданы анаѳемѣ и обречены на уголовныя наказанія. Греки сдѣлали свое дѣло: скрѣпили возникшій въ русской церкви расколъ соборнымъ приговоромъ и уѣхали въ свои страны, предоставивъ русскому правительству самому вѣдаться съ этимъ затрудненіемъ, которое чѣмъ дальше, тѣмъ сложнѣе и опаснѣе становилось, а русскимъ богословамъ оставивъ довольно мудреную задачу доказывать, что соборный приговоръ 1667 г. былъ вполнѣ справедливъ. Впрочемъ, есть такіе усердствующіе добровольцы, которые доказываютъ даже, что приговоръ этотъ былъ непогрѣшимъ....

Ошибки, мнѣ кажется, не будетъ, если изъ сказаннаго мною сдѣланъ будетъ тотъ выводъ, что расколъ представлялъ собою религіозную или церковную партію приверженцевъ старыхъ книгъ и старыхъ обрядовъ. Политическаго характера эта партія не имѣла; она только лишь желала остаться при старинной церковной обрядности и была выразителемъ старинаго русскаго взгляда, что въ церковныхъ книгахъ и въ церковныхъ обрядахъ нельзя измѣнять ни одной іоты, ни одной мелочи, какъ бы она ни была маловажна. Не совсѣмъ справедливо было бы называть раскольниковъ и скопищемъ церковныхъ мятежниковъ, протопоповъ и поповъ, которые будто бы, по личной ненависти къ новатору—патріарху, отставившему ихъ отъ печатанія книгъ, возмутились противъ распоряженій законной церковной власти и увлекли за собой множество невѣжественнаго народа. Не бывшіе только справщики, а и архіереи отстаивали старину. Кромѣ Павла коломенскаго, и нѣкоторые другіе архіереи не симпатизировали новшествамъ, но нашли болѣе удобнымъ или во время принести повинную, или и совсѣмъ воздержаться отъ всякаго протеста. Масса народа, сама по себѣ, не была фана-

тична, могла пойдти и за книжниками правительственной стороны, и за книжниками оппозиціи. Добродушная натура невѣжественнаго русскаго человѣка, какъ говоритъ Костомаровъ, по своему свойству, менѣе, чѣмъ чья нибудь, была наклонна къ нетерпимости,—нужно было грамотное невѣжество, чтобы возбуждать въ немъ фанатизмъ. Но и самые эти грамотники, обыкновенно духовныя лица и монахи, которые, какъ показала и дальнѣйшая исторія, дѣйствительно были самыми ревностными распространителями раскола, не были церковными мятежниками. По ихъ мнѣнію, они отстаивали истинную вѣру отъ еретическихъ покушеній: исторія христіанства могла указать имъ не мало случаевъ, когда и патріархи и архіереи впадали въ ересь, и истинная вѣра отстаивалась священниками и монахами. Въ вожакахъ раскола нельзя отрицать личной вражды къ Никону: эта личная вражда и въ самомъ дѣлѣ могла служить сильнымъ мотивомъ къ сопротивленію его новшествамъ. Нравственную безупречность всѣхъ этихъ вожаковъ доказывать было бы трудно, и слѣдовательно трудно было бы сказать, что всѣ они воодушевлены были извѣстною идеей и беззавѣтно служили этой идеѣ. Напримѣръ, объ одномъ изъ нихъ, о суздальскомъ попѣ Никитѣ, Юрій Крижаничъ (сербъ и католическій священникъ, прибывшій въ Москву съ грандіознымъ планомъ всеславянскаго христіанскаго государства подъ державой московскаго царя и волею судебъ очутившійся въ Сибири) разсказываетъ, что Никитѣ „улицы бывали тѣсны“, т. е., употребляя выраженіе другаго расколовождя, протопопа Аввакума, Никита слишкомъ „прилежаше питія хмѣльнаго“. Но совсѣмъ въ другомъ свѣтѣ представляется личность этого самаго Аввакума, этого богатыря протопопа, по выраженію историка Соловьева,—этого Петра I-го съ обратной стороны,—какъ выразился другой ученый,—по его вліянію на консервативный слой русскихъ людей. Аввакумъ былъ очень ограниченный человѣкъ, но ему нельзя отказать въ непоколебимой честности и въ стойкости убѣжденій. И били

его смертнымъ боемъ, и пальцы на рукахъ ему отгрызали зубами, и плевали въ глаза,—богатырское терпѣніе Аввакума брало верхъ надъ всѣми испытаніями. Чуть не всю Сибирь пришлось ему исходить, вмѣстѣ и съ его протопопицей, испытывая невообразимыя трудности и возмутительныя жестокости. Съ паденіемъ Никона, Аввакумъ вернулся изъ Сибири въ Москву и оказался здѣсь въ еще болѣе затруднительномъ положеніи, чѣмъ въ Сибири. Царь, глубоко уважавшій Аввакума за его жизнь, уговаривалъ его воздержаться отъ рѣзкаго осужденія никоніанскихъ новшествъ. Аввакумъ видѣлъ, что царь болѣетъ за него, видѣлъ многіе знаки вниманія со стороны царицы и бояръ, и устоялъ въ своей рѣшимости обличать то, что ему казалось ересью, и проповѣдывать то, что признавалось имъ за истинную вѣру. Въ такомъ человѣкѣ отрицать искренность убѣжденій нельзя. Самый образъ дѣйствій вождей раскола, конечно, одобрить невозможно; они не могли, да и не умѣли говорить обстоятельно, связно и спокойно, а могли только „бранить и лаять отъ Писанія“, какъ выражался о себѣ Аввакумъ; но въ ихъ необузданности, недисциплинированности, виноваты были не одни они, а и церковное правительство, которое давнымъ бы давно должно было дисциплинировать духовенство, виноваты были въ этомъ и всѣ вообще условія умственнаго развитія древне-русскаго человѣка. Говоря безпристрастно и серьезно, подобной радикальной ломки существующаго церковнаго обряда, какая сдѣлана была Никономъ, не вынесъ бы православный русскій народъ даже въ настоящее время, а не только 200 лѣтъ тому назадъ. Представимъ себѣ, что во главѣ нынѣшняго церковнаго правительства сталъ бы человѣкъ, совершенно ясно сознающій, что богослуженіе на русскомъ языкѣ можетъ гораздо лучше достигать цѣли, чѣмъ богослуженіе на мало понятномъ славянскомъ языкѣ, что разные псалмы и стихи, проникнутые возвышенной поэзіей, пропадаютъ для массы народа, ни слова въ нихъ не понимающей, что достоинство богослуженія не проиграло, а выиграло бы отъ допущенія инструментальной музыки, что

сохранились въ настоящее время такія принадлежности богослуженія, которыя когда-то имѣли смыслъ, а теперь совсѣмъ потеряли его и должны быть оставлены, напр. предложеніе оглашеннымъ выйдти изъ церкви. Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что всѣ реформы подобнаго рода не касались бы догматовъ вѣры, относились бы только къ обрядности. Но несомнѣнно и то, что всѣ попытки реформы въ этомъ направленіи, если бы онѣ стали дѣлаться тѣмъ же способомъ, какъ въ XVII столѣтіи, въ разсчетѣ на широту власти и при полномъ игнорированіи того, насколько подготовленъ къ этому народъ, съ принудительнымъ навязываніемъ реформы, какъ общеобязательнаго закона, всѣмъ и каждому,—всѣ эти попытки и въ настоящее время произвели бы религіозный расколъ, не меньшій, чѣмъ въ XVII столѣтіи. А между тѣмъ, въ настоящее время, нашлось бы, конечно, гораздо болѣе сторонниковъ подобныхъ реформъ, чѣмъ имѣлъ ихъ Никонъ, котораго почти никто изъ русскихъ людей не понималъ, къ которому напротивъ всякій готовъ былъ обратиться съ вопросомъ, что онъ дѣлаетъ и зачѣмъ это дѣлаетъ.

Царь, присутствовавшій на соборѣ 1667 г., былъ не Петръ Алексѣевичъ, котораго пора еще не пришла, и не Иванъ Васильевичъ III, который когда-то вступился за русскій обычай хожденія посолонь, не далъ его въ обиду, пошелъ противъ митрополита, а „тишайшій“, и добрѣйшій царь Алексѣй Михайловичъ. Между тѣмъ, въ тогдашній моментъ требовался именно государь энергическій, который, въ виду враждебнаго столкновенія церковныхъ партій, не разрывая связи съ православіемъ, согласно всѣмъ историческимъ традиціямъ русской царской власти, не упускалъ бы въ тоже время изъ вида, что обѣ партіи, при всей ихъ взаимной враждѣ, состоятъ изъ русскихъ же людей, и что нельзя обрушиваться всею тяжестію власти на религіозную партію, переселенную противниками. Царь и дѣлалъ попытку облегчить напримѣръ положеніе Аввакума, уговаривалъ его отказаться отъ всякихъ протестовъ, хаживалъ даже къ тюрьмѣ, когда Авва-

кумъ былъ вновь лишенъ свободы по требованію духовныхъ властей. Но предоставимъ самому Аввакуму разсказать, въ чемъ выразилось участіе царя; царь, пишетъ Аввакумъ въ своемъ „житіи“, „приходилъ въ монастырь, около темницы моей походилъ и, постонавъ, опять пошелъ изъ монастыря, кажется потому, и жаль ему меня, да что воля Божія такъ лежитъ“. Царь пожертвовалъ Аввакумомъ: самъ онъ готовился къ собору 1667 г., на которомъ долженъ былъ разыгрывать роль подсудимаго, тягаться съ московскимъ патріархомъ передъ восточными патріархами.. Изъ бояръ также никто не сказалъ ни одного слова въ пользу приверженцевъ старины, хотя бояре, враждовавшіе съ новаторомъ—патріархомъ, послѣ его удаленія съ каѳедры, оказывали не малую поддержку вождямъ раскола и тѣмъ самымъ подавали имъ нѣкоторыя надежды на торжество ихъ дѣла.

Между тѣмъ, противники стараго обряда употребили царское имя въ свою пользу, сдѣлали изъ него роковое употребленіе, стоившее многихъ разбитыхъ жизней, многихъ сожженій и самосожженій, многихъ хлопотъ и опасеній для правительства даже въ нынѣшнемъ столѣтіи. Доказывая правильность вновь исправленныхъ книгъ и обрядовъ и неправильность прежнихъ, представители никоновскаго православія спрашивали старообрядцевъ: „скажите, православенъ царь Алексѣй Михайловичъ, или нѣтъ? Вѣдь новыя книги рязсылаются именемъ царя, новые обряды одобрены и предписаны царемъ“. Ожидалось, что старообрядцы не посмѣютъ отрицать православіе царя, а слѣдовательно должны будутъ непремѣнно признать православіе и новыхъ книгъ съ новыми обрядами. Аввакумъ еще говорилъ о царѣ и царицѣ: „Богъ ихъ проститъ, я своего мученія на нихъ не спрашиваю ни въ будущій вѣкъ, молиться мнѣ подобаетъ о нихъ, о живыхъ и о преставившихся, дьяволъ между нами разсѣченіе положилъ, а они всегда добры до меня“. Жестокій вопросъ о православіи царя, въ упоръ поставленный старообрядцамъ, сначала озадачивалъ вопрошаемыхъ; но потомъ, когда ока-

залось, что именемъ царя, блюстителя православія, ихъ, представителей древняго православія, отправляютъ въ заточеніе, обезглавливаютъ и сожигаютъ, прекратили молитву за царя, рѣшивъ, что въ Россіи, вмѣсто царя, властвуетъ антихристъ. Петръ Великій могъ бы отнестись къ расколу съ тѣмъ великимъ государственнымъ смысломъ, который всегда отличалъ его: къ сожалѣнію было уже поздно. Историческое несчастіе раскола состоитъ въ томъ, что ему, вскорѣ же послѣ его возникновенія, пришлось играть печальную роль въ политическихъ дѣлахъ Россіи, участвовать въ разныхъ бунтахъ, хотя, впрочемъ, нѣтъ никакого основанія утверждать, что одни только раскольники и составляли тотъ контингентъ, изъ котораго вербовались бунтовщики.

Во всякомъ случаѣ, рѣшительно неправиленъ тотъ взглядъ, будто церковный расколъ въ Россіи есть есть дѣло Петра Великаго, что не кто либо другой раньше его, не Никонъ, не соборъ 1667 г., а именно Петръ своими реформами произвелъ церковный расколъ въ Россіи. Съ этимъ мнѣніемъ согласиться невозможно, даже если бы оно высказывалось самими раскольниками. Реформы Петра Великаго дѣйствительно глубоко затрогивали весь строй русской жизни. Нѣтъ ничего удивительнаго, если, при упорной приверженности русскихъ къ старинѣ, явилась масса недовольныхъ царемъ—реформаторомъ: могли быть даже бунты въ разныхъ мѣстахъ широкаго русскаго государства, какъ и вообще возможны бунты при крутомъ, неподготовленномъ введеніи реформъ. Тѣмъ не менѣе религіознаго знамени, подъ которое могли бы стать всѣ недовольные элементы, не существовало бы, если бы раньше не возникъ расколъ, какъ секта религіозная. А въ этомъ именно религіозномъ знамени все дѣло и заключается. Отстаиваніе этого знамени передается отъ одного поколѣнія другому, какъ нѣчто священное, какъ священный религіозный долгъ, который, можетъ быть, дурно понятъ, но всегда глубоко прочувствованъ. Реформы Петра находили себѣ противодѣйствіе, сопротивленіе, не въ расколѣ только, а и въ представителяхъ оффи-

ціальнаго православія, которые во всѣхъ пунктахъ, не подвергнутыхъ соборному отужденію 1667 г., оставались столь же упорными приверженцами старины, какъ раскольники въ пунктахъ, осужденныхъ этимъ соборомъ. Недаромъ потребовался цѣлый рядъ архіереевъ малороссовъ, для того чтобы сдѣлалось возможнымъ проведеніе петровскихъ реформъ. Расколъ былъ и остался чисто великорускимъ явленіемъ; но и упорная приверженность къ старинѣ вообще отличала великоруссовъ только, а не малороссовъ, которые уже давнымъ давно испытали на себя дѣйствіе началъ западной цивилизаціи. Можно сказать, что иногда упорство именно оффиціально-православныхъ вызывало со стороны Петра такія мѣры, которыя всего болѣзненнѣе отражались на расколѣ и увеличивали число его послѣдователей. Стоглавый соборъ нѣкогда осудилъ брадобритіе, какъ ересь, подъ страхомъ церковнаго проклятія. Этотъ пунктъ былъ не затронутъ соборомъ 1667 г., и вотъ мы видимъ, что къ брадобритію относятся одинаково и протопопъ Аввакумъ, и современникъ Петра—послѣдній московскій патріархъ—Адріанъ. Аввакумъ отказался благословить подошедшаго къ нему сына боярина Шереметева на томъ основаніи, что Шереметевъ явился къ нему въ „блудоносномъ образѣ“, т. е. выбритымъ. Но и патріархъ Адріанъ заклиналъ православныхъ, подъ страхомъ церковнаго отлученія, убѣгать брадобритія, этого „еретическаго безобразія, уподобляющаго человѣка котамъ и псамъ и уничтожающаго въ человѣкѣ образъ Божій“. Борода была символомъ не раскола, а вообще русской старины. Вернувшись изъ за границы, по случаю стрѣлецкаго бунта, Петръ принялся рѣзать бороды, какъ ненавистный ему символъ коснѣнія въ старинѣ и сопротивленія всякой реформѣ, и своею крутостію немало усилилъ вражду и ожесточеніе любителей старины. Исполнители указовъ Петра о сбритіи бородъ и о замѣнѣ русскаго платья европейскимъ съ своей стороны дѣлали все, чтобы негодованіе любителей старины довести до высшей степени раздраженія. Напримѣръ, при разслѣдованіи дѣла объ астраханскомъ

(1705 г.) бунтѣ, оказалось, что воевода не далъ срока для замѣны русскаго платья европейскимъ, по своей корысти, посылалъ своихъ подчиненныхъ въ праздничные и воскресные дни къ церквамъ и по большимъ улицамъ, „и у мужеска и у женска пола русское платье обрѣзывали не по подобію, обнажая предъ народомъ, и усы и бороды, ругаючи, обрѣзывали съ мясомъ“. Подобными мѣрами поддерживалось раздраженіе не раскола только, а народа вообще противъ насильственно навязываемыхъ реформъ, и не всякій противникъ реформъ непремѣнно былъ раскольникъ. Но само собою разумѣется, что расколъ, со времени Петра, сталъ насчитывать гораздо больше „антихристовыхъ новшествъ“ въ никоніанствѣ, какъ онъ называлъ православіе, чѣмъ прежде это онъ дѣлалъ. Въ библіи значится, что антихристъ измѣнитъ времена: Петръ I перенесъ празднованіе новаго года съ 1-го сентября на 1-е января, въ честь языческаго бога Януса; онъ же прекратилъ лѣтосчисленіе отъ сотворенія міра и заимствовалъ изъ латынской ереси лѣтосчисленіе отъ Рождества Христова. Въ священныхъ книгахъ написано, что антихристъ будетъ требовать денегъ и податей съ мертвыхъ: это сдѣлалъ и Петръ своей ревизіей; антихристъ же только могъ установить подушную подать, подать не съ земли, а съ души, безсмертнаго дыханія Божія. Апокалипсическій звѣрь долженъ имѣть рога: эти рога суть два титула—царь и императоръ,—принятые на себя Петромъ. Въ титулѣ: „императоръ“ раскольники даже нашли то мистическое число 666, которое принадлежитъ апокалипсическому звѣрю, читая этотъ титулъ безъ буквы м: „іператоръ“. Съ благочестивымъ ужасомъ далѣе любители старины отворачивались отъ тѣхъ, кто „носомъ табакъ пьетъ“; за употребленіе этого зелья при царѣ Алексѣе Михайловичѣ рѣзали носы, а при Петрѣ, конечно, не было за это никакихъ преслѣдованій. О табакѣ говорили: „корень горести, выспрь прозябаяй, иже накость творитъ и тѣло оскверняетъ“. Съ неменьшимъ ужасомъ любители старины позднѣе смотрѣли и на другія, невиданныя доселѣ растенія, именно потому,

что они казались новшествомъ,—на чай, кофе, картофель. О чаѣ говорили: „кто чай пьетъ, тотъ долженъ *отчаяться* въ спасеніи“. Противъ кофе писалось, что „кто пьетъ кофе, въ сердцѣ того будетъ *ковъ*“. „Трава, зовомая *картовъ*“ называлась у раскольниковъ „похотью антихристовой“, такъ какъ она отъ Рима будто бы начало имѣетъ. Въ раскольничьей литературѣ доказывается даже, что плодъ, которымъ змѣй соблазнилъ Еву и погубилъ Адама, былъ картофель. Нерасположеніе переносилось даже на каменную мостовую, потому что она выдумана уже въ антихристово время. Тѣмъ болѣе, разумѣется, паспортъ долженъ былъ казаться печатью антихриста: паспортъ стѣснялъ странствованіе и удаленіе въ пустыню для спасенія души. Суровыя мѣры противъ нищенства и противъ бродяжничества точно также не отвѣчали старинному русскому нравственному идеалу, который если и включалъ въ себя любовь къ ближнему, то главнымъ образомъ въ формѣ довольно безпорядочной раздачи такъ называемой „мелочи“ нищимъ и страннымъ. И вотъ не съ ироніей только, а и съ ожесточеніемъ, русскій человѣкъ, не понимая ничего изъ всего того, что дѣлалось передъ его глазами, такимъ образомъ представлялъ себѣ правительственную политику: „табакъ кури, водку пей, бороду брѣй, нищихъ бей,—и попадешь въ царствіе нѣмецкое“.

Но какъ бы ни увеличилось число „антихристовыхъ“, по раскольническому взгляду, новшествъ въ православномъ строѣ русской жизни, какъ бы ни увеличилась даже масса послѣдователей раскола, не слѣдуетъ забывать, что недовольные позднѣйшими реформами становились подъ тоже знамя, которое уже держали въ своихъ рукахъ раскольники,—знамя это уже высоко развѣвалось въ воздухѣ и манило къ себѣ всѣхъ любителей стороны, не осиливавшихъ своей головой смысла совершаемыхъ преобразованій. Недовольные дѣйствіями царя—реформатора уже видѣли это притягательное знамя, понимали, что на знамени этомъ написано какъ разъ противоположное тому,

что затѣвалось правительствомъ, написаны пріятныя слова: „русская старина“, да еще и не простая, а церковная, и шли толпами подъ это, высоко развѣвавшееся, знамя. Всѣ реформы Петра Великаго, не касавшіяся церковной обрядности, никогда не произвели бы раскола, какъ бы ни были онѣ радикальны. Могли быть недовольные, могли быть даже бунтовщики; но въ концѣ концовъ масса народа свыклась бы съ новымъ порядкомъ жизни. Вѣдь и раскольники сами большею частію свыкаются же съ разными „богомерзкими травами“, служившими для нихъ въ началѣ предметомъ благочестиваго ужаса и отвращенія, свыкаются и съ европейскимъ костюмомъ. Или—самое большое—остаться, уцѣлѣть въ массѣ народной могли бы разные старинныя воззрѣнія и обычаи, какъ и теперь въ массѣ православнаго населенія можно найдти не мало обычаевъ, вполнѣ гармонирующихъ съ раскольничьимъ міровоззрѣніемъ. Поэтому не иначе, какъ съ большою осторожностію нужно относиться къ разнымъ взглядамъ на расколъ, которые можно найдти въ литературѣ. Говорятъ напр. что расколъ, въ своемъ происхожденіи, явился какъ протестъ земства противъ поглощенія его правъ центральною властію, и что затѣмъ этотъ протестъ принималъ въ данную эпоху тотъ характеръ, который обусловливается слабыми сторонами въ государственномъ управленіи: въ эпоху религіозныхъ гоненій онъ имѣлъ религіозный оттѣнокъ; при Петрѣ I, при политическихъ гоненіяхъ, имѣлъ оттѣнокъ политическій; при Екатеринѣ II, по прекращеніи гоненій, но при ненормальномъ соціальномъ положеніи народа, принялъ оттѣнокъ соціально-экономическій. Можно, пожалуй, и еще какъ нибудь иначе взглянуть на расколъ; но понять его сущность можно только отрѣшившись отъ всѣхъ тѣхъ историческихъ усложненій, которыя, по обстоятельствамъ времени, привходили и видоизмѣняли характеръ этого явленія. Не позднѣе привходящія историческія усложненія, которыя даютъ пищу занявшемуся огню, составляютъ объясненіе, служатъ причиной для этого огня. Сильный вѣтеръ раздуваетъ пожаръ, но причина пожара не въ вѣтрѣ.

Не царь—реформаторъ и не тѣ, кто послѣ него устанавливали разные стѣснительные для народной жизни порядки, были виновниками раскола, а патріархъ новаторъ и тѣ, кто, не поддержавъ его лично, вполнѣ поддержали его эллинофильскія симпатіи.

II.

Развитіе русскаго раскола.

Русскій расколъ, при его появленіи, былъ религіозной партіей приверженцевъ старой вѣры, т. е. старыхъ обрядовъ, „древняго благочестія“. Старая вѣра была существенною стихіей раскола. Религіозный характеръ раскола доказывается и дальнѣйшею его исторіею со времени соборнаго приговора 1667 г. Даже и тѣ противогосударственныя начала, которыя дѣйствительно развились въ нѣкоторыхъ фракціяхъ раскола, могли явиться только вслѣдствіе гоненій на „древнее благочестіе“. Случалось, что раскольники ходатайствовали о дозволеніи остаться имъ при старыхъ книгахъ и при старыхъ обрядахъ, обѣщая во всемъ остальномъ повиноваться правительству. Къ сожалѣнію, эти ходатайства, впродолженіе почти полутора столѣтія, оставались неисполненными, затѣмъ исполнены были только отчасти, какъ мы увидимъ, и, главное, исполнены были уже тогда, когда много воды утекло, когда въ расколѣ явились уже такія направленія, которыя имѣли весьма мало общаго съ первоначальными приверженцами „древняго благочестія“.

Вскорѣ же послѣ формальнаго отдѣленія раскольниковъ отъ церкви, въ расколѣ образовались два главныя направленія, поповщина и безпоповщина. Священники, рукоположенные по старымъ книгамъ, могли лишь недолгое время удовлетворять религіознымъ потребностямъ раскольниковъ; ихъ становилось все меньше и меньше. Нужно было подумать о томъ, какъ быть на будущее время. Архіереевъ, которые могли бы посвящать духовныхъ лицъ для раскольниковъ, не было: Павелъ коломенскій погибъ еще въ началѣ раскольническаго движенія. Способъ, при помощи котораго русскіе раскольники вышли изъ этого затруднительнаго положенія, отличается крайнею оригинальностію. Одни, чуждаясь всякаго общенія съ православною церковію, какъ ере-

тическою, нашли однако возможнымъ принимать къ себѣ бѣглыхъ священниковъ, посвященныхъ православными архіереями. Надъ перебѣжавшими къ нимъ попами они совершали обрядъ, называемый „исправой“. Въ силу этой „исправы“, попы никоніанскаго рукоположенія, какъ называли раскольники православныхъ священниковъ, превращались въ безупречныхъ священниковъ „древняго благочестія“. Эта отрасль раскола, называемая поповщиной, самая многочисленная и до настоящаго времени, осталась при томъ же церковномъ ученіи, при тѣхъ же церковныхъ правилахъ и обрядахъ, которыя существовали на Руси до патріарха Никона. Консервативно-обрядовый характеръ раскола первоначальнаго сохранился во всей чистотѣ у поповцевъ. Такъ какъ въ бѣглыхъ священникахъ, соглашавшихся перейдти въ расколъ, недостатка не было, и стало быть любители „древняго благочестія“ не были окончательно лишены возможности отправлять и слушать богослуженіе по старымъ книгамъ и по старымъ обрядамъ; то и ученіе о царствѣ антихриста въ Россіи не обострилось такъ у поповцевъ, какъ оно обострилось у другихъ раскольниковъ. Антихристъ, по взгляду поповцевъ, царствуетъ *духовно*, а не чувственно, не воплощаясь въ конкретной личности. Съ другой скороны поповцы не могли питать и нѣжныхъ чувствъ къ правительству, которое всегда относилось къ нимъ сурово. Русское правительство есть все таки правительство безблагодатное; оно безсознательно творитъ волю дьявола, преслѣдуя старовѣріе. Другіе раскольники поступили болѣе радикальнымъ образомъ. Церковь, разсуждали они, должна быть именно такова, какою она была до патріарха Никона; должно быть и священство. Но наступили послѣднія времена, въ мірѣ воцарился антихристъ, слѣдовательно вскорѣ предстоитъ кончина міра. Истинная церковь, вмѣстѣ и съ священствомъ, улетѣла на небо; поэтому необходимо отказаться и отъ священниковъ, и отъ всего того, что, по церковнымъ древнимъ правиламъ, можетъ быть совершаемо только священниками. Таковъ взглядъ безпопов-

цевъ. Въ существѣ своемъ и этотъ взглядъ консервативенъ, но консерватизмъ принялъ здѣсь, такъ сказать, идеальный характеръ, характеръ священнаго воспоминанія о томъ, что было когда-то и чего уже не можетъ быть. А вслѣдствіе сознанія этой невозможности, безпоповцы должны были допустить фактически уже рѣзкія отступленія отъ „древняго благочестія“, и нѣкоторыя изъ этихъ отступленій оказались весьма печальными. Такъ какъ и бракъ въ дониконовской церкви могъ обвѣнчать и благословить только священникъ, а священниковъ не стало; то рѣшено было и отъ брака отказаться. На первыхъ порахъ придти къ такому рѣшенію было не очень трудно. Ожидалось близкое свѣтопреставленіе: не сегодня-завтра, думали безпоповцы, раздастся труба архангела, такъ можно было и забыть въ это время о брачныхъ удовольствіяхъ, тѣмъ болѣе что образъ жизни первоначальныхъ раскольниковъ этого направленія сложился на началахъ монашескаго общежитія. Стало быть тѣмъ болѣе нѣтъ ничего удивительнаго, что, какъ монахи, безпоповцы отказались отъ брака и поставили себѣ безусловнымъ закономъ безбрачіе и дѣвство. Труба архангела, однако, не раздавалась, условія монашескаго общежитія не могли быть примѣнены ко всѣмъ безпоповцамъ, и... обязательное безбрачіе и дѣвство скоро привели къ тѣмъ печальнымъ явленіямъ, которыя нерѣдко случаются, когда люди задаютъ себѣ непосильно-суровыя нравственныя задачи, не выполняютъ ихъ и стараются скрыть плоды своей невѣрности этимъ нравственнымъ задачамъ, т. е. превратились на самомъ дѣлѣ въ возмутительный развратъ и дѣтоистребленіе. Конечно, и между безпоповцами должны были явиться здравомыслящіе люди, понимавшіе весь ужасъ этого „безбрачія и дѣвства“. Тогда мысль безпоповскаго раскола приняла новое направленіе: сознано, что бракъ необходимъ, но не забыто и то, что священства все таки нѣтъ и быть не можетъ, слѣдовательно нужно было доказать возможность брака безъ священства, и эту цѣль поставилъ себѣ жизненною задачей замѣчательно даровитый и честный раскольникъ

безпоповецъ первой половины прошлаго столѣтія Иванъ Алексѣевъ. Вслѣдъ за Алексѣевымъ и другіе безпоповскіе учители стали проповѣдывать, что тайна брака состоитъ во взаимной любви жениха и невѣсты и въ согласіи ихъ на вступленіе въ бракъ, выраженномъ предъ свидѣтелями, съ согласія родителей, тогда какъ разныя", пышныя мины и вѣнценосныя великолѣпности" суть не что иное, какъ „благолѣпное украшеніе, случайно устроенное", къ существу брака не относящееся,—„блестящій церемоніалъ, изъ политики установленный для великолѣпной пышности, къ полученію неба или ада нисколько не способствующій". Къ сожалѣнію не всѣ безпоповцы примкнули къ ученію Ивана Алексѣева; и до настоящаго времени есть не мало такихъ, которые бракъ отвергаютъ, какъ скверну, такимъ образомъ брачному состоянію предпочитаютъ нравственную распущенность, такъ какъ живущіе въ бракѣ не считаютъ нужнымъ каяться, а живущіе распущенно все таки чувствуютъ свой грѣхъ и необходимость раскаянія въ этомъ грѣхѣ. Другой важный и прискорбный пунктъ въ ученіи безпоповцевъ,—это ихъ взглядъ на царя. Ученіе о царствѣ антихриста въ Россіи приняло у нихъ самый острый характеръ: туманный, мистическій образъ антихриста принялъ у нихъ плоть и кровь, получилъ осязаемый, чувственный образъ и олицетворился въ лицѣ царя. Безпоповцы именно усмотрѣли въ дѣйствіяхъ Петра Великаго (въ перенесеніи празднованія новаго года, въ установленіи ревизіи и подушной подати, въ принятіи титула „императора" и проч.) образъ дѣйствій апокалипсическаго антихриста. Поповцы, благодаря бѣглымъ священникамъ, имѣли еще возможность жить по „древнему благочестію" Безпоповцы не имѣли этой возможности, и чѣмъ болѣзненнѣе было въ нихъ чувство невознаградимой потери, чѣмъ живѣе ощущали они утрату этого блага, безповоротно улетѣвшаго на небо, тѣмъ острѣе была вражда безпоповцевъ къ правительству, погубившему истинную церковь и преслѣдующему остальныхъ уцѣлѣвшихъ дѣтей ея. Правительство царя есть правительство слугъ

антихриста: молиться за царя значило бы, въ глазахъ безпоповца, отдать себя съ душой и тѣломъ во власть антихристу. Однако, и въ отношеніи къ этому пункту время и здравый смыслъ должны были одержать верхъ надъ фанатизированнымъ преслѣдованіями расколомъ. Когда, при Аннѣ Ивановнѣ, послана была на рѣку Выгъ въ олонецкомъ краю къ безпоповцамъ—поморянамъ слѣдственная коммиссія навести справки, точно ли они не молятся за царскую фамилію, поморяне съ рѣшенія своихъ учителей внесли имена царской фамиліи въ свои молитвы. Если бы начальникъ слѣдственной коммиссіи Самаринъ дѣйствовалъ съ большимъ искуствомъ и съ большею снисходительностію, то весьма вѣроятно, что и всѣ остальные безпоповцы поступили бы точно такимъ же образомъ. Но онъ допустилъ почти на глазахъ у себя добровольное самосожженіе множества безпоповцевъ, и результатъ получился очень печальный, какъ и всегда бываетъ, когда жизнь человѣческая и кровь человѣческая жертвуются въ пользу какой нибудь, хотя бы и ложной идеи; кровь становится сѣменемъ, изъ котораго выростаютъ массы новыхъ приверженцевъ. Поморяне, сдѣлавшіе уступку, получили презрительное названіе самарянъ отъ имени начальника слѣдственной коммиссіи, и въ безпоповствѣ до настоящаго времени существуютъ фракціи, отвергающія молитву за царя. Острый непримиримый характеръ безпоповства выразился и въ томъ, что они не допускаютъ возможности совершенія какихъ нибудь таинствъ въ православной церкви и крестятъ всѣхъ тѣхъ, кто изъ православной церкви вступаетъ въ безпоповство. Самую крайнюю и самую непримиримую изъ этихъ фракцій безпоповства представляетъ собою секта странниковъ. Такъ какъ въ Россіи царствуетъ антихристъ, то нужно всячески избѣгать, по мнѣнію сектантовъ, записи въ ревизскія книги. Перепись есть не что иное, какъ сѣть, раскинутая антихристомъ, для уловленія таившихся отъ него старовѣровъ. Не слѣдуетъ пользоваться гражданскими правами, какъ дѣяніемъ антихриста, не нужно молиться за царя, не должно вступать въ

браки. И вообще міросозерцаніе раскольниковъ не отличается оптимизмомъ. „Въ нынѣшнія времена, говорятъ раскольники, „истина охромѣла; любовь простудою больна; честность и вѣрность въ отставку вышли; вѣра ушла въ пустыню; совѣсть попрана ногами; благодѣяніе таскается по міру; терпѣніе скоро лопнетъ; ложь нынѣ присутствуетъ; безчиніе въ монастыряхъ проживаетъ; гордость съ монахами познакомилась; тщеславіе игуменствуетъ; братоненавидѣніе экономомъ поставлено; невѣжество старѣйшинствуетъ„. Или вотъ напр. что гласитъ весьма распространенный между раскольниками стихъ:

Не могу пребыть безъ рыданія...
До конца тлѣетъ благочестіе,
Процвѣтаетъ нынѣ все нечестіе:
Духовный законъ въ корень ссѣченъ
Гражданскій законъ въ конецъ истребленъ;
Вмѣсто законовъ водворилось беззаконіе;
Лихоимцы всѣ грады содержатъ;
Немилосердые въ градахъ первые;
На мѣстахъ злые приставлены;
Духъ антихристовъ возвѣялъ на насъ:
Не могу пребыть безъ рыданія.

Но ни въ одной фракціи раскола этотъ пессимизмъ не выразился такъ рѣзко, какъ въ сектѣ странниковъ. Если нравственный порядокъ въ мірѣ рушился, то для истинно-вѣрующаго не остается другаго выбора, какъ сдѣлать то, что дѣлали благочестивые люди въ древности, удаляясь изъ городовъ въ пустыни спасать свою душу; нужно порвать со всѣми условіями общежитія, находящагося во власти антихриста; нужно выйдти изъ этихъ условій и спасать душу внѣ ихъ, нужно быть странникомъ и пришельцемъ на землѣ. Во время странствованія, даже и тотъ, кто имѣетъ у себя какой либо видъ или паспортъ, долженъ уничгожить его, какъ заклейменный печатью антихриста. Вмѣсто

этого антихристова паспорта, каждый благочестивый странникъ запасается своимъ паспортомъ, впрочемъ не столько по сознанію необходимости его, сколько для того, чтобы дать выраженіе своей ироніи надъ паспортомъ правительственнымъ. Въ немъ значится: „Объявитель сего, Іерусалима града вышняго рабъ Христовъ, уволенъ въ разные города и селенія, для ради себя прокормленія всякими трудами и работами, еже работати съ прилежаніемъ, а ѣсть съ воздержаніемъ; противъ всѣхъ чтобы не прекословить, но токмо Бога славословить, убивающихъ тѣло не бояться, но Бога бояться и терпѣніемъ укрѣпляться". А въ концѣ этого оригинальнаго паспорта: „дано сіе отъ нижеписаннаго числа впредь на одинъ вѣкъ, а по прошествіи онаго числа явиться мнѣ въ мѣсто нарочито. Сей паспортъ явленъ въ части святыхъ и въ книгу животную подъ номеромъ будущаго вѣка записанъ". Такъ какъ странствовать и удаляться въ пустыни въ XIX-мъ столѣтіи не такъ удобно, какъ въ IV-мъ, и такъ какъ не всѣ люди могутъ вмѣстить строгія правила ученія, то несовершеннымъ дается срокъ для проживанія въ мірѣ, съ тѣмъ чтобы они давали пріютъ странникамъ, но передъ концомъ жизни и они должны выбыть изъ міра.

Два главныя направленія, обнаружившіяся въ русскомъ расколѣ вскорѣ же послѣ его появленія, распались на множество толковъ, или мелкихъ сектъ. Называть и перечислять всѣ эти толки, которыхъ Дмитрій ростовскій насчитывалъ въ свое время до 200, нѣтъ никакой надобности; общія черты поповства и безпоповства, указанныя въ представленной мною характеристикѣ, выражаются болѣе или менѣе во всѣхъ отдѣльныхъ толкахъ. Въ старину книжные люди осуждали философію, какъ источникъ всякаго мудрованія и грѣховнаго лукавства мысли. Позднѣе оказалось, что безъ философіи и еще хуже: мудрованія стали высказываться и ожесточенные споры стали вестись людьми совершенно неразвитыми и невѣжественными. Сама іерархія духовная сознавала и видѣла на опы-

тѣ, что многіе уклонились въ расколъ именно „за скудость ума своего“. Въ одномъ церковномъ поученіи 1720 г. проповѣдникъ, выражая свое негодованіе по поводу распространявшихся въ народѣ суевѣрій, какъ напр. почитанія 12 пятницъ, и по поводу разныхъ „смѣхотворныхъ“ вопросовъ, обсуждавшихся мужиками и бабами, въ родѣ того напр. которую икону почитать и которую не почитать, какой крестъ на церквахъ ставить-восьмиконечный или четвероконечный, какими пальцами креститься и т. п., говорилъ: „бабьими баснями и мужицкими суевѣріями весь міръ наполнился; уже нынѣ не только священники и прочіе книжные люди, но и неграмотные мужики и бездѣльныя деревенскія бабы всю ту дьявольскую богословію на изустъ умѣютъ“. Но въ 1720 году мужицкая и бабья, дьявольская, какъ выразился проповѣдникъ, богословія далеко еще не достигла своего разцвѣта. Мы уже познакомились съ выразительною „богословіей“ безпоповцевъ, и въ особенности странниковъ, которыхъ еще не было въ 1720 г. Не сформировалось еще въ это время вполнѣ и ученіе хлыстовъ. Не любопытна ли напр. такая „богословія“?—Въ царствованіе Алексѣя Михайловича, во владимірской губерніи, муромскаго уѣзда, на гору Городину спустился Богъ Отецъ съ неба въ превеликой славѣ, съ силами небесными, на огненныхъ облакахъ, въ огненной колесницѣ. Силы небесныя вознеслись, а верховный гость, превышній Богъ, сталъ видимъ на горѣ въ образѣ человѣка Данилы Филиповича. Данило Филиповичъ не имѣя земнаго начала, имѣетъ непосредственное сношеніе съ Св. Духомъ, отъ котораго получаетъ всѣ наставленія, по коимъ и творитъ чудеса. Поэтому, явившись на землю, онъ всѣ книги свои побросалъ въ Волгу, какъ ненужныя, и установилъ не имѣть книжнаго ученія, а руководствоваться преданіями его и вдохновеніями пророковъ. За 15 лѣтъ до его сошествія, родился у него, по предсказанію пророковъ, сынъ Ісусъ Христосъ, по имени Иванъ Тимофеевичъ, отъ 100 лѣтней бабы и т. д. Въ виду невозможности добраться до истины при множествѣ тол-

ковъ, справедливо замѣчаетъ историкъ Соловьевъ, люди начали стремиться войдти въ непосредственое сношеніе съ духовнымъ міромъ, съ божествомъ; начали съ того, что стали ждать появленія людей, долженствующихъ быть вѣстниками великаго переворота, который долженъ уничтожить смуту и водворить царство истины. Вмѣстѣ съ появленіемъ антихриста, ждали появленія Іоанна Богослова, Еноха, Иліи. Кончили тѣмъ, что стали приводить себя въ напряженное, неестественное состояніе, думая, что въ этомъ состояніи отрѣшаются отъ земного и получаютъ нанітіе свыше, даръ пророчества. Въ мущинахъ, наиболѣе способныхъ къ этимъ упражненіямъ, стали видѣть Христовъ, въ женщинахъ— богородицъ; еще одинъ шагъ,—и Христосъ историческій исчезалъ, и каждый, посредствомъ извѣстныхъ упражненій, приводящихъ въ восторженное состояніе, могъ стать Христомъ. Титулы „Христа“ и „богородицы“ не связаны у хлыстовъ съ какою нибудь единичною историческою личностію; рядъ христовъ и богородицъ не можетъ быть исчерпанъ и законченъ; вмѣсто сошедшаго со сцены Христа является другой. Но замѣчено, что у хлыстовъ сохраняется культъ первооснователей хлыстовщины: Саваоѳа Данилы Филиповича и Іисуса Христа Ивана Тимофеевича. Упражненія или „радѣнія“, посредствомъ которыхъ люди могутъ становиться Христами, оказались настолько заразительными, что, въ началѣ нынѣшняго столѣтія, образовался даже „духовный союзъ“ изъ образованныхъ людей, подъ руководствомъ полковницы Татариновой. Свѣтскіе образованные хлысты, обыкновенно изъ высшихъ классовъ общества, усвоили себѣ отъ хлыстовъ простонародныхъ не „богословію“ ихъ о Саваоѳѣ Данилѣ Филипповичѣ и Іисусѣ Христѣ Иванѣ Тимофеевичѣ, а всю внѣшнюю обрядность ихъ „радѣній“, какъ способовъ приводить себя въ состояніе экстаза. Есть, однако, и въ простонародіи, такіе, которые не рѣшаются объявлять себя Христами, а только ищутъ Христа. Если бы не было такъ печально, то было бы, конечно, смѣшно смотрѣть на послѣдователей секты „искателей Христа“, которые

имѣя по новому куску холста, считаютъ возможнымъ достигнуть своего желанія: углубясь въ лѣсъ, сектаторы разстилаютъ свои куски холста, ложатся на нихъ, затѣмъ ползутъ и приговариваютъ: „ползу, ползу по новому холсту къ истинному Христу; кто первый приползъ, того и холстъ“.

Но правительству пришлось познакомиться и съ еще болѣе странной „богословіей“. Скопчество, выдѣлившееся изъ хлыстовщины, создало себѣ не одинъ только отталкивающій догматъ о физическомъ изуродованіи, но создало себѣ и своего Христа-искупителя; вдобавокъ этотъ Христосъ искупитель не кто либо другой, а императоръ Петръ III. Роль того и другаго разомъ взялъ на себя крестьянинъ Кондратій Селивановъ. У людей, находящихся въ состояніи просонокъ или бреда, особенно у больныхъ, мысли иногда принимаютъ самый причудливый ходъ, и ассоціяція идей получается самая чудовищная, особенно когда со стороны долетаютъ до слуха какіе нибудь звуки. Такой же бредъ больнаго воображенія, столь же чудовищную ассоціяцію идей замѣчаемъ мы въ скопчествѣ. По вѣрованіямъ скопцовъ, искупитель ихъ Кондратій Селивановъ, или что тоже императоръ Петръ III, воплотился отъ императрицы Елизаветы Петровны, которая, какъ истинная Богоматерь, была чистою дѣвою, въ рождествѣ, передъ рождествомъ и по рождествѣ. Разрѣшившись отъ бремени, императрица, предъизбранная къ святой и подвижнической жизни царствовала только два года и, оставивъ, вмѣсто себя, на престолѣ одну изъ своихъ наперстницъ, совершенно походившую на нее чертами лица и душевными свойствами, сама удалилась въ орловскую губернію и поселилась здѣсь въ домѣ одного крестьянина, подъ именемъ простой женщины Акулины Ивановны. Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ святой жизни, она здѣсь же и умерла, и погребена. Кромѣ богородицы Акулины Ивановны, или что тоже императрицы Елизаветы Петровны, въ „богословіи“ скопцовъ фигурируетъ еще предтеча Христовъ— опять лицо двойственное: по мнѣнію однихъ, князь Дашковъ, по

мнѣнію другихъ графъ Чернышовъ, на самомъ же дѣлѣ крестьянинъ Александръ Ивановъ Шиловъ. Титулы Христа искупителя и предтечи слиты у скопцовъ съ одними и тѣми же лицами неразрывно и неизмѣнно, но богородицъ и послѣ Акулины Ивановны было нѣсколько. Христосъ—искупитель, Петръ III, по вѣрованіямъ скопцовъ, не умиралъ, а проживаетъ въ Иркутскѣ; онъ скоро придетъ и зазвонитъ въ московскомъ Кремлѣ въ большой колоколъ Успенскаго собора, и дѣти его со всѣхъ концовъ свѣта соберутся къ нему по этому звону; тогда настанетъ вѣчное царство скопцевъ. Въ болѣзненномъ воображеніи сектантовъ произошла даже странная ассоціяція между именами императора Петра III и Наполеона I. И тотъ и другой живы, и оба должны прибыть изъ Иркутска: императоръ Петръ III—управлять государствомъ, а Наполеонъ—начальствовать надъ войскомъ, для возстановленія правовѣрнаго порядка. Что всего замѣчательнѣе, и скопчество нашло себѣ приверженцевъ между людьми образованными. Каммергеръ при дворѣ императора Александра I, Елянскій представилъ даже государю проэктъ о преобразованіи русскаго государства по началамъ скопческой секты. Государю предлагалось „управлять государствомъ, подобно Іисусу Навину, по гласу небесному“, а для выслушанія этого гласа небеснаго, постоянно держать при себѣ Кондратія Селиванова, такъ какъ „въ немъ полный Духъ небесный Отцемъ и Сыномъ присутствуетъ“. Съ практической стороны, скопческая „богословія“, какъ и хлыстовская, построена на мистическомъ аскетизмѣ, на умерщвленіи и изможденіи плоти; только хлысты средствомъ для этой цѣли выбрали „радѣнья“, въ которыхъ человѣкъ прыжками, круженіемъ и пляской, при пѣніи стиховъ, приходитъ въ состояніе полнаго изнеможенія, а скопцы, кромѣ „радѣній“, сочли нужнымъ еще и физическое изуродованіе, чтобы удалить самый источникъ плотскихъ удовольствій. Аскетическій идеалъ тѣхъ и другихъ, происходитъ, по прямой гелеалогіи, отъ древнерусскаго, односторонне развитаго, аскетическаго идеала. Изслѣдователями

раскола замѣченъ любопытный фактъ, что хлыстовскій аскетическій мистицизмъ въ XVIII в. развился въ монастырской средѣ, между монахинями московскихъ монастырей, равно какъ и въ нынѣшнемъ столѣтіи бывали случаи, когда монахи выступали въ роли вожаковъ аскетическаго мистицизма.

Съ мистическими сектами имѣютъ нѣкоторую связь, впрочемъ очень слабую, секты раціоналистическаго характера, каковы духоборцы и молокане. Указать связь и въ самомъ дѣлѣ довольно трудно между сектантами, ударяющимися въ мистицизмъ, приводящими себя въ состояніе экстаза и въ этомъ состояніи непосредственно сообщающимися съ духовнымъ міромъ и божествомъ, и между такими сектантами, въ ученіи которыхъ преобладаетъ разумъ, дѣйствуетъ не увлеченіе чувства, а большая или меньшая трезвость понятій и сужденій. Очевидно, что если можетъ быть между тѣми и другими связь, то весьма слабая, скорѣе внѣшняя, чѣмъ внутренняя. Поэтому, нѣтъ надобности распространяться о сектахъ раціоналистическихъ, существующихъ въ русскомъ народѣ: подробное изложеніе религіозныхъ взглядовъ этихъ сектъ вывело бы меня далеко изъ предѣловъ моей задачи. Я имѣю въ виду только въ собственномъ смыслѣ національныя религіозныя секты, возникшія изъ одного общаго источника,—изъ консервативно-обрядоваго русскаго раскола XVII столѣтія. Въ самомъ дѣлѣ, сопоставляя духоборца или молоканина съ раскольникомъ „древняго благочестія“, нельзя не замѣтить сразу же діаметральной противоположности въ ихъ воззрѣніяхъ. Раскольникъ борется за букву и обрядъ, готовъ „умереть за одинъ азъ“. Духоборцы, напротивъ, говорятъ, что за духъ нужно бороться, а не за форму, нужно отыскивать истинный нравственный смыслъ въ ученіи Христа. Во имя поклоненія Богу духомъ и истиною, духоборецъ вполнѣ отрицаетъ всю религіозную внѣшность. Въ началѣ второй половины XVIII столѣтія, нѣкоторые сектанты заявили властямъ, что они рукотвореннымъ и написаннымъ на доскахъ образамъ не покланяются, храмовъ не почитаютъ и мо-

литься въ нихъ не станутъ. Поэтому крестъ, иконы, мощи, церковная іерархія—все это отвергается духоборцами. Даже и происхожденіе свое они желаютъ вести отъ тѣхъ трехъ отроковъ, которые брошены были Навуходоносоромъ въ печь огненную за то, что не хотѣли молиться идоламъ. О Богѣ они учатъ такъ, что иностранный путешественникъ, баронъ Гакстгаузенъ, былъ удивленъ и пораженъ. Какимъ образомъ, спрашиваетъ онъ, безграмотные русскіе мужики дошли до глубокихъ философскихъ идей, уча, напримѣръ, слѣдующимъ образомъ: „Богъ единъ, но единъ въ Троицѣ. Сущность этого тріединства непостижима: Отецъ есть свѣтъ, Сынъ жизнь, Св. Духъ миръ; въ человѣкѣ же Отецъ выразился памятью, Сынъ—разумомъ, Св. Духъ—волею". Что касается молоканъ, то они представляютъ собою фракцію духоборства; ихъ особенное названіе происходитъ отъ рѣки Молочной въ Маріупольскомъ уѣздѣ, гдѣ имъ отведено было мѣсто для поселенія при императорѣ Александрѣ I. Очевидно, нѣтъ надобности говорить о глубокой пропасти, отдѣляющей „древнее благочестіе" отъ духоборства. И если я, однако, упомянулъ о духоборцахъ, то сдѣлалъ это потому, что и духоборство вначалѣ имѣло мистическую окраску, такъ что можно прослѣдить нѣкоторую связь его съ хлыстовщиной, а слѣдовательно непрямую связь и съ великорусскимъ расколомъ.

Духоборцы вначалѣ склонны были признавать догматъ преемственности воплощенія божественной силы въ лицѣ проповѣдниковъ, подобно тому какъ хлысты признаютъ это преемственное воплощеніе Бога въ своихъ христахъ. Даже и св. Синодъ полагалъ вначалѣ, что духоборство не болѣе какъ крайняя вѣтвь раскола старообрядства. Мистическій элементъ въ духоборствѣ постепенно ослабѣвалъ и исчезалъ, уступая мѣсто разуму, и прежде всего въ той фракціи духоборства, которое называется молоканствомъ. Въ молоканствѣ не видно и отвлеченностей философскихъ и богословскихъ. Эти отвлеченности, богословскія и философскія, какъ и общій духъ раціоналистическаго ученія, приводившія въ изу-

мѣніе иностраннаго путешественника, трудно объяснить чѣмъ либо инымъ, кромѣ вліянія иностранныхъ религіозныхъ взглядовъ. Нужны были, конечно, особенныя, исключительныя условія для того, чтобы на массу народную, приверженную къ буквѣ и обряду, могли вліять религіозные взгляды иностранныхъ сектантовъ, отрицающихъ вполнѣ церковную обрядность. Въ исторіи бывали иногда отдѣльные примѣры увлеченія нѣсколькихъ лицъ протестантскими идеями, но въ массѣ народной и въ книжныхъ людяхъ не могло быть симпатій къ „люторамъ“ какъ называли у насъ въ старину лютеранъ, не смотря на то, что враждебное отношеніе протестанства къ католицизму должно бы было, повидимому, располагать русскихъ въ пользу лютеранъ. Причина была именно та, что, съ отрицаніемъ церковной обрядности, русскіе люди утрачивали все, что могло быть для нихъ доступно и понятно въ религіи. Однако, особенныя, исключительныя условія для вліянія иностранныхъ религіозныхъ сектъ на русскій народъ въ самомъ дѣлѣ явились. Иностранные сектанты массами переселялись въ Россію со времени Екатерины II, особенно въ новороссійскій край, и распространяли свои ученія: эта пропаганда была тѣмъ успѣшнѣе, чѣмъ слабѣе была просвѣтительная дѣятельность православнаго духовенства. Кромѣ того, преслѣдованіе раскола со стороны правительства заставляло многихъ предпочитать именно такія ученія, которыя не связаны съ сложнымъ церковнымъ ритуаломъ и слѣдовательно могутъ удобнѣе укрываться отъ придирокъ администраціи государственной.—Вѣроятно къ духоборству же нужно отнести и секту шалопутовъ, пока недостаточно выяснившуюся. Судя по тѣмъ даннымъ, которыя имѣются въ литературѣ объ этой сектѣ, она имѣетъ характеръ не религіозный, а нравственно-соціальный, ставитъ себѣ цѣлью создать не какую нибудь религіозную систему, а новыя, удобнѣйшія формы общежитія. Можетъ быть, это и правда. Но такъ какъ тѣ самые, которые приписываютъ шалопутству этотъ характеръ, добавляютъ, что и вообще секты суть продуктъ стремленія народныхъ массъ

создать себѣ удобнѣйшія формы общежитія, что уже положительно невѣрно, то и въ представленной характеристикѣ шалопутства позволительно усомниться. Не вдаваясь въ подробную характеристику раціоналистическихъ сектъ, хотя и очень слабо, но все таки связанныхъ съ расколомъ старообрядства, покрайней мѣрѣ внѣшнею связью, я тѣмъ менѣе считаю себя въ правѣ говорить подробно о сектѣ субботниковъ или жидовствующихъ—оригинальной сектѣ русскихъ мужиковъ моисеева закона, ведущей свое начало, вѣроятно отъ появившейся въ Новгородѣ въ концѣ XV в. ереси жидовствующихъ и во всякомъ случаѣ не отъ русскаго старообрядства. Я не буду говорить и о штундѣ, западное происхожденіе которой удостовѣрено документально, какъ несомнѣнно же удостовѣрено ея широкое распространеніе именно въ Малороссіи. Повидимому, штунда дѣлается столь же національнымъ малорусскимъ явленіемъ, какъ расколъ старообрядства всегда былъ и оставался чисто великорусскимъ явленіемъ. Бѣгая отъ преслѣдованій въ разные концы русскаго государства, даже и за границу, великорусскіе раскольники основывали свои поселенія и въ Малороссіи, таковы напр.,—стародубскія слободы въ черниговской губерніи. Но эти поселенія и слободы всегда составляли какую-то вставку въ мѣстное населеніе. Ни малороссы не заражались русскимъ расколомъ, ни великоруссы не забывали своего нерасположенія къ „латынствующимъ“ малороссамъ. Въ одномъ раскольничьемъ документѣ, въ такъ называемомъ синаксарѣ о подвигахъ страдальцевъ покровскаго монастыря, ревнители древняго великорусскаго благочестія слѣдующимъ образомъ рисуютъ свое отношеніе къ малороссіянамъ: „во дни губернатора Новгородъ-Сѣверскаго Ильи Богдановича Бибикова, четверовластвующу въ Галилеѣ новомѣсткой исправнику Вилинскому и преобладающу Новымъ Мѣстомъ городничему Мохову, возста гоненіе веліе на благочестивыхъ и христолюбивыхъ христіанъ, премирно обитающихъ между злочестивыми малороссіянами, шепотниками и обливанцами, ядущими голубей и зайцевъ, пьющими трекля-

тое зелье—табакъ и кофе, наученными треклятому латинству, не почитающими за смертный грѣхъ называть самого Бога *Деусомъ*, а родимаго его отца *Патеромъ*". Малая Россія, въ самомъ дѣлѣ, гораздо ранѣе великой познакомилась съ западною церковною жизнію и стояла всегда въ сторонѣ отъ раскольническаго движенія великой Россіи; но и она въ наши дни должна была испытать сектантское движеніе, носящее опять таки западную окраску. Говорятъ впрочемъ, что на первыхъ порахъ и штундисты въ своихъ молитвенныхъ собраніяхъ считали нужнымъ приводить себя въ состояніе экстаза, для полученія увѣренности въ томъ, что грѣховныя скверны очищены достаточнымъ искусомъ покаянія, и что въ душѣ открылся Христосъ. Съ нѣкоторымъ правомъ можно заключать отсюда о связи штунды съ мистическимъ аскетизмомъ великорусскихъ сектъ. Съ выпаденіемъ этого мистическаго элемента, прекратилась и эта связь. Въ существѣ же своемъ, современный штундизмъ имѣетъ очень много сходныхъ чертъ съ духоборствомъ, что касается именно отношенія ихъ къ духовнымъ обрядамъ и іерархіи. Затѣмъ относительно власти, какъ духоборство, такъ и штундизмъ учатъ, что власть существуетъ только для злыхъ, что когда не будетъ на землѣ преступленій, излишнею будетъ и власть; это не мѣшаетъ имъ на своихъ собраніяхъ молиться за царя и подати уплачивать съ примѣрною исправностію. Ограничивалсь этимъ бѣглымъ обзоромъ раціоналистическихъ сектъ, явившихся въ русскомъ народѣ подъ болѣе или менѣе сильнымъ вліяніемъ иностранныхъ религіозныхъ ученій, мы видимъ, что даже если не считать ихъ, а имѣть въ виду только расколъ великорусскій, то и этотъ послѣдній не остался въ своемъ первоначальномъ видѣ, а развѣтвился по разнымъ направленіямъ. Весьма возможно, что онъ не остался бы въ первоначальномъ своемъ видѣ, а раздѣлился бы на многіе толки и секты, даже если бы мѣры преслѣдованія не раздражали религіознаго фанатизма. Законъ, который можно прослѣдить вообще въ исторіи религіозныхъ сектъ, гласитъ, что съ отдѣленіемъ отъ

церкви вольнымъ или невольнымъ свобода личныхъ мнѣній, не сдерживаемая никакими границами, неминуемо ведетъ къ образованію множества религіозныхъ взглядовъ, религіозныхъ партій и сектъ. Но чтобы въ расколѣ могли выработаться взгляды противогосударственные,—этого явленія вельзя объяснить иначе, какъ религіознымъ гоненіемъ, системой принудительныхъ мѣръ по отношенію къ сектантамъ. Если вообще дознано многовѣковымъ опытомъ другихъ народовъ и странъ, что всякое насиліе въ дѣлахъ вѣры служитъ не во вредъ, а въ пользу преслѣдуемаго религіознаго взгляда,—даетъ пищу религіозному фанатизму, окружаетъ фанатиковъ ореоломъ мученичества и создаетъ для него новыя массы приверженцевъ; то и исторія правительственныхъ мѣръ по отношенію къ русскому расколу служитъ краснорѣчивымъ подтвержденіемъ того же общаго правила.

Можно сказать, что каждый законъ и каждое мѣропріятіе правительства въ духѣ преслѣдованія не достигали предположенныхъ цѣлей, а напротивъ усиливали расколъ и создавали для правительства такія трудности, опасенія и заботы, которыхъ оно раньше не имѣло. Въ 1667 г. соборнымъ приговоромъ упорные приверженцы старой вѣры подвергнуты были анаѳемѣ и обречены на уголовныя казни. Тотчасъ же послѣ собора въ соловецкій монастырь отправлены новопечатныя книги съ требованіемъ принять ихъ и оставить старопечатныя: монахи просили оставить ихъ при старыхъ книгахъ, обѣщаясь во всемъ остальномъ повиноваться правительству: просьба не уважена,—и въ результатѣ получается странный бунтъ монастыря,—соловецкій бунтъ, для усмиренія котораго потребовалось около 10 лѣтъ. Въ 1682 г. были разосланы грамоты ко всѣмъ архіереямъ о повсемѣстномъ сыскѣ и преданіи суду раскольниковъ, причемъ распространителей раскола велѣно сожигать. Но лишь только закурились первые костры съ сожигаемыми расколоучителями, какъ на горизонтѣ показались цѣлыя громадныя зарева отъ самосожигавшихся сотнями и селеніями раскольниковъ. Про-

вѣдаетъ правительственный чиновникъ, что въ извѣстной мѣстности скопилось много раскольниковъ, явится туда съ предложеніемъ отстать отъ раскола и выдать зачинщиковъ, а раскольники, большею частію не теряя времени на безплодные переговоры, зажгутъ домъ, овинъ, церковь, или монастырь, смотря потому, гдѣ они находились, да и сгорятъ всѣ до единаго. А иногда даже и безъ всякаго повода, по собственному побужденію, наэлектризованные сектанты принимали это ужасное „крещеніе огнемъ“. И какъ часто власть должна была принимать хлопотливыя мѣры къ тому, чтобы не допустить подобныхъ, слишкомъ прискорбныхъ и убыточныхъ для государства, проявленій фанатизма, властью же самою вызванныхъ!

Поставленные въ невозможность оставаться въ мѣстахъ своего прежняго жительства, раскольники разсѣялись по разнымъ заулкамъ: по лѣсамъ олонецкимъ, костромскимъ, вязниковскимъ, керженскимъ, брынскимъ, стародубскимъ, по рѣкамъ Иргизу, Дону, Тереку и Кубани. Множество раскольниковъ бѣжало и за границу: въ Швецію, Польшу, Пруссію, Австрію, Турцію и къ крымскимъ татарамъ. И между тѣмъ, правительству же не разъ потомъ приходилось вступать въ переговоры съ бѣглецами, чтобы вернуть ихъ на родину.

До временъ Екатерины II раскольники были отстраняемы отъ общественныхъ должностей, не допускались къ свидѣтельскимъ показаніямъ на судѣ; на воротникахъ они носили особыя нашивки—т. н. „желтые козыри“ съ буквами Е. Р. О. (еретикъ, раскольникъ, отступникъ). Эти мѣры, особенно послѣдняя, заставлявшая раскольника носить на себѣ явный знакъ своего отщепенства и отдававшая его на посмѣшище каждому уличному мальчишкѣ, окончательно дѣлали раскольника ожесточеннымъ фанатикомъ и нелюдимомъ, развивали въ немъ ненависть къ окружающимъ его условіямъ жизни,—ту ненависть, которая порождала пессимистовъ, въ родѣ странниковъ.

При Петрѣ I-мъ раскольники обложены были двойнымъ подуш-

нымъ окладомъ. Этотъ окладъ существовалъ также до Екатерины II, но вредныя послѣдствія этой несправедливой мѣры обнаружились вскорѣ же послѣ Петра, да и теперь еще пожалуй даютъ себя чувствовать. Когда, послѣ смерти Петра, жители Москвы должны были присягать Екатеринѣ I, то нѣкоторые раскольники отказались присягать, говоря, что „императрицу за государыню они не признаютъ, да и прежде не признавали и никогда вѣрными не были, потому что они по указамъ записаны въ двойной платежъ и этимъ платежомъ получили себѣ свободу, поэтому—разъ они объявили себя раскольниками, вѣрными имъ быть нельзя". Предсѣдатель сенатской конторы въ Москвѣ, графъ Матвѣевъ, донося объ этомъ остроумномъ разсужденіи, писалъ, что отъ двойнаго оклада на раскольниковъ государству прибыль малая, а раскольничеству попущеніе. Но это не все. Большая часть раскольниковъ, не желая подвергаться тѣмъ невыгодамъ, которыя связывались съ явною, оффиціальною принадлежностію къ расколу, предпочитала подкупать приходское духовенство, чтобы оно показывало ихъ въ церковныхъ книгахъ состоящими въ православіи. Тѣмъ самымъ въ приходскій строй внесено было развращающее начало: съ одной стороны вымогательство духовенства, которое въ мѣстностяхъ, зараженныхъ расколомъ, гораздо болѣе получало съ раскольниковъ *за неисполненіе* требъ, за то, чтобы оно оставляло ихъ въ покоѣ, чѣмъ съ православныхъ *за исполненіе* требъ,—съ другой стороны лицемѣріе, внутренняя вражда къ церкви и оффиціальная принадлежность къ ней. Это лицемѣріе дошло до того, что такія напр. секты, какъ скопцы и странники, соблюдаютъ даже всѣ церковныя обязанности, отличаются усерднымъ хожденіемъ въ храмы, ходятъ на исповѣдь и въ душѣ ненавидятъ эти же самые храмы. Такъ напр. по свидѣтельству очевидца, въ бывшихъ въ С. Петербургѣ, на Малой Охтѣ, сходбищахъ скопцовъ, обыкновенно собиравшихся на ночь по субботамъ, бывало когда зазвонятъ въ церквахъ къ заутренѣ, скопцы вскрикивали общимъ хоромъ: „чу, ребята, чортъ зако-

лотилъ". Нѣтъ надобности говорить о томъ, насколько нежелательно было бы развивать въ народѣ это двоедушіе и лицемѣріе. Въ нынѣшнемъ столѣтіи правительство нѣсколько разъ желало привести въ извѣстность точную цифру раскола, потратило на командировку чиновниковъ для собранія статистическихъ свѣдѣній по этому предмету, можетъ быть больше, чѣмъ сколько получено было въ свое время Матвѣевымъ и другими собирателями двойного оклада, и однако до сихъ поръ точная цифра раскола—предметъ первостепенной важности для правительства—остается неизвѣстною. Даже духовенство приходское поставлено теперь въ довольно затруднительное положеніе. Оно не имѣетъ права показывать сектантомъ того, кто исполняетъ церковныя обязанности и кто на самомъ дѣлѣ сектантъ. Оно не можетъ рѣшиться даже показывать раскольниками и всѣхъ тѣхъ, которые не исполняютъ церковныхъ обязанностей, живутъ въ полномъ отчужденіи отъ церкви, но оффиціально всегда числились православными, родились отъ такихъ же раскольниковъ, оффиціально числившихся православными,—не можетъ потому, что нерѣдко пришлось бы записать въ расколъ большую часть прихожанъ, и за такое, повидимому быстрое, а на самомъ дѣлѣ издавна уже существовавшее уклоненіе массы въ расколъ, наличному духовенству пришлось бы поплатиться, такъ какъ оно было бы приписано его нерадѣнію.

Со времени Петра III-го и Екатерины II-й, положеніе раскольниковъ улучшилось: уничтожены и желтый козырь, и двойной окладъ, предоставлено право свидѣтельствовать на судѣ и занимать общественныя должности. Раскольники ходатайствовали о дозволеніи имъ совершать богослуженіе по старымъ обрядамъ и по старымъ книгамъ. Ходатайству этому данъ былъ ходъ, благодаря вліянію такихъ лицъ, какъ Румянцевъ и Потемкинъ. Раскольники—поповцы (о другихъ раскольникахъ не было и ходатайствъ) мечтали, что они будутъ имѣть не только свои церкви, обряды и книги, своихъ священниковъ законныхъ, но и

своихъ архіереевъ. Въ самомъ концѣ прошлаго столѣтія выработаны были, однако, правила такъ называемаго „единовѣрія“ московскимъ митрополитомъ Платономъ. Правила не удовлетворили раскольниковъ: объ архіереяхъ и рѣчи нѣтъ въ этихъ правилахъ,—имъ дозволено только имѣть священниковъ по избранію прихожанъ и по назначенію православныхъ архіереевъ, для отправленія богослуженія по старымъ книгамъ. Раскольники желали прежде всего, чтобы съ нихъ снято было проклятіе московскаго собора 1667 г.,—просьба эта не была уважена. Они желали, чтобы прощены были тѣ бѣглые священники, которые фактически проходили у нихъ священническія должности, перебѣжавъ изъ православной церкви къ раскольникамъ,— и эта просьба не уважена. И замѣчательно, что насколько было сильно движеніе раскольниковъ къ соединенію съ церковью до изданія правилъ о единовѣріи въ 1800 г., настолько же оно ослабѣло со времени изданія этихъ правилъ. Раскольники съ недовѣріемъ взглянули на „единовѣріе“, установленное этими правилами, какъ на ловушку, въ которую хотятъ заманить ихъ, съ тѣмъ чтобы черезъ нѣсколько времени совсѣмъ и слѣда не осталось отъ „древняго благочестія“. Изъ самой редакціи правилъ можно видѣть, что ни на сторонѣ православной іерархіи, ни на сторонѣ раскольниковъ не было той искренности христіанскаго чувства любви и взаимнаго признанія равноправности стараго и новаго обряда, которая бы могла послужить твердымъ ручательствомъ за жизненную силу созданнаго этими правилами единовѣрія: православная іерархія не допускаетъ причащенія православныхъ въ единовѣрческой церкви, а единовѣрцы заботливо выгораживаютъ своихъ священниковъ отъ обязанности являться на общіе молебны вмѣстѣ съ православнымъ духовенствомъ. Стѣсненіе опять таки пользы не принесло. Но этого мало. Въ 40-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія, на московскія деньги, усиліями московскихъ старообрядцевъ, добывается архіерей изъ грековъ для монастыря Бѣлой Криницы въ австрійской Буковинѣ, и отъ это-

го австрійскаго архіерея русскіе раскольники-поповцы стали получать себѣ архіереевъ, которыхъ не хотѣло имъ дать русское правительство. Австрія сдѣлалась чуть не обѣтованной землей для русскаго раскола, а для русскаго правительства явился небывалый еще доселѣ источникъ тяжелыхъ подозрѣній и заботъ...

Кромѣ раскольниковъ—поповцевъ, согласившихся на „единовѣріе“, раскольникамъ вообще не давалось права на свободное отправленіе богослуженія. Однако, напримѣръ, федосѣевцы, одна изъ наименѣе невинныхъ фракцій раскола безпоповскаго, какъ бы въ насмѣшку надъ закономъ, успѣли въ самой Москвѣ основать центръ или метрополію безпоповства, подъ именемъ знаменитаго преображенскаго кладбища. Во время епидеміи 1771 г. московскій купецъ—безпоповецъ И. А. Ковылинъ получилъ разрѣшеніе учредить на собственныя средства карантинъ, съ тѣмъ чтобы осматривать всѣхъ выходящихъ изъ Москвы и погребать тѣхъ, кто умретъ въ карантинѣ. Изъ этого скромнаго карантина разрослось громадное учрежденіе съ 1500—населеніемъ обоего пола и съ 10,000 московскихъ прихожанъ, притонъ обязательнаго безбрачія и дѣвства,—какъ слѣдуетъ понимать это безбрачіе и дѣвство, считаю излишнимъ повторять,—гостепріимно принимавшій къ себѣ всѣхъ бѣглыхъ и безпаспортныхъ, ухитрявшійся отстоять свое существованіе даже въ такія критическія минуты, когда выходилъ спеціальный императорскій указъ закрыть безотлагательно это заведеніе. Читая исторію преображенскаго кладбища, какъ будто переносишься мыслію во времена Югурты и паденія римской республики: московская полиція находила выгоднымъ продавать себя московскому Югуртѣ. Въ отношеніяхъ правительства къ расколу доходило до того, что если оно желало провести какую либо мѣру, или разслѣдовать какое нибудь темное дѣло, то поручало это дѣло такому высокопоставленному лицу, которое было бы вполнѣ свободно отъ всякаго подозрѣнія въ возможности подкупа, и случалось, что подобное лицо находило возможнымъ исполнить честнымъ образомъ свою миссію, только зашивая каждый разъ

послѣ работы всѣ документы въ подушку,—иначе была опасность, что чиновники или выкрадутъ важные документы, или, узнавъ о содержаніи ихъ, покрайней мѣрѣ доведутъ о томъ до свѣдѣнія раскольниковъ.

Въ царствованіе императора Александра I, проводимъ былъ гуманный взглядъ. Общій принципъ, который положенъ былъ въ основаніе всѣхъ правительственныхъ мѣръ по отношенію къ расколу, долженъ былъ состоять въ томъ, чтобы, не дѣлая насилія совѣсти и не входя въ розысканіе внутренняго исповѣданія вѣры, не допускать внѣшнихъ оказательствъ отступленія отъ церкви и строго воспрещать соблазны, не въ видѣ ереси, но какъ нарушеніе общаго благочинія и порядка. Эта, повидимому, либеральная правительственная программа основана была на величайшемъ недоразумѣніи: предполагалось, что принципъ свободы совѣсти требуетъ лишь того, чтобы человѣкъ не преслѣдовался, не притѣснялся, не подвергался ограниченію въ гражданскихъ и политическихъ правахъ за самую принадлежность къ расколу, за свои внутреннія убѣжденія; но не имѣлось въ виду того, что люди, искренно проникнутые извѣстными религіозными вѣрованіями и убѣжденіями, имѣютъ непреодолимую потребность „оказывать“, обнаруживать, проявлять свои вѣрованія въ соотвѣтствующемъ богослуженіи. А „оказательства“—то именно и были запрещены, и это запрещеніе прямо отдавало раскольниковъ въ жертву административному произволу, взяточничеству и полицейскимъ волокитамъ. Расколъ окончательно сдѣлался источникомъ кормленія для низшей администраціи, которая вездѣ искала „оказательствъ“, накрывала молящихся въ частныхъ даже домахъ, а не только въ спеціальныхъ моленныхъ, производила домашніе обыски, безцеремонно завладѣвала иконами и книгами; и—разумѣется—вся тяжесть этихъ мѣръ падала полностію на людей сравнительно бѣдныхъ, такъ какъ люди богатые всегда могли купить себѣ у мѣстныхъ властей привилегію и Богу молиться по своему, и книги и образа держать у себя старинные. Свой

личный взглядъ гуманный императоръ выражалъ кратко и ясно: „ученіе Спасителя, пришедшаго на землю взыскать и спасти погибшаго, не можетъ быть внушаемо насиліями и казнями; истинная вѣра порождается благодатію Господнею, черезъ убѣжденіе, кротостію и болѣе всего добрыми примѣрами, жестокость же не убѣждаетъ никогда, но паче ожесточаетъ". И въ тоже время съ замѣчательною краткостію и ясностію выражался взглядъ низшей администраціи: исправники засѣкали до смерти сектантовъ за то, что они не давали требуемой взятки.

Властвованіемъ полиціи началось и царствованіе императора Николая. Однимъ изъ первыхъ указовъ этого царствованія было предписано оставить въ покоѣ всѣ моленныя, устроенныя за 10 лѣтъ до изданія указа, остальныя закрыть и уничтожить, новыхъ не допускать. И однако, не только въ какихъ нибудь отдаленныхъ захолустьяхъ русской земли, но въ самой Москвѣ, на глазахъ у высшаго правительства, подкупленная полиція удостовѣрила, что всѣ московскія раскольничьи моленныя, устроенныя даже не больше какъ за два года до изданія указа, устроены больше 10 лѣтъ тому назадъ. Понятно, что если этотъ указъ имѣлъ цѣлью стѣснить расколъ, то эта цѣль, благодаря полиціи, не была достигнута. Затѣмъ, въ продолженіе всего царствованія императора Николая, правительство шло по ясно намѣченной, систематически—выработанной программѣ, клонившейся къ тому, чтобы окончательно, разъ на всегда, уничтожить всѣ ереси и расколы въ Россіи. Русскій самодержецъ впалъ въ ту же ошибку, въ которую не разъ уже впадали великіе люди исторіи, какъ Константинъ и Ѳеодосій. Исходя изъ того, что политика русскаго правительства должна всегда имѣть въ своемъ основаніи „самодержавіе, православіе, народность", онъ довелъ до крайности требованіе религіознаго единства; разность въ религіозныхъ мнѣніяхъ и убѣжденіяхъ казалась ему административнымъ безпорядкомъ, притомъ временнымъ и скоропреходящимъ. Ему думалось, что стоитъ лишь приняться за дѣло съ умѣньемъ и послѣдовательностію, и этотъ административный

безпорядокъ самъ собою исчезнетъ. И дѣйствительно начался рядъ правительственныхъ мѣръ, систематически направленныхъ къ одной цѣли: преслѣдованіе распространителей ересей и расколовъ, постепенное сокращеніе и уничтоженіе мѣстъ общественнаго богослуженія, всевозможныя затрудненія для пріисканія поповъ сектами, допускающими священство, самое широкое толкованіе слова: „оказательство“, лишеніе гражданскихъ правъ, связанныхъ съ крещеніемъ и бракомъ и т. п. Создалась извѣстная классификація сектъ: вреднѣйшія (іудействующіе, духоборцы, молокане, скопцы, хлысты, безпоповцы, отвергающіе бракъ и молитву за царя), вредныя (безпоповцы, не отвергающіе брака и молитвы за царя), менѣе вредныя (поповцы), Расколъ получилъ значеніе важнѣйшаго государственнаго вопроса. Расколомъ завѣдывали всякія власти—и низшія, и среднія, и высшія: уѣздная полиція и приходское духовенство, епархіальные архіереи съ консисторіями и губернскіе секретные совѣщательные комитеты изъ четырехъ лицъ: епархіальнаго архіерея, начальника губерніи, предсѣдателя палаты государственныхъ имуществъ и жандармскаго штабъ-офицера, секретный комитетъ въ С.-Петербургѣ, подъ предсѣдательствомъ митрополита, особый секретный комитетъ для дѣлъ, имѣющихъ поступать на личное рѣшеніе государя, затѣмъ Синодъ, комитетъ министровъ, особое отдѣленіе въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ и все III отдѣленіе собственной Его Величества канцеляріи. При секретномъ комитетѣ въ С.-Петербургѣ была организована еще секретная канцелярія изъ чиновниковъ, принадлежащихъ къ высшимъ фамиліямъ, образованныхъ, состоятельныхъ, стоящихъ выше всякаго подозрѣнія въ подкупѣ. Канцелярія дѣйствительно работала такъ секретно, что никто не зналъ, гдѣ она находится; нѣкоторое время даже министры не знали о дѣйствіяхъ этой секретной канцеляріи. Кажется, приняты были самыя энергическія и цѣлесообразныя мѣры къ уничтоженію раскола, и однако сила пассивнаго сопротивленія раскола взяла верхъ надъ наступательнымъ образомъ дѣйствій правительства. Расколъ росъ

и развивался, служа источникомъ богатаго кормленія для низшей администраціи. Характеръ его становился болѣе и болѣе острымъ. Поповцы, лишенные возможности получать бѣглыхъ священниковъ русскаго посвященія, стали получать изъ Австріи, и уже не только священниковъ, а и архіереевъ. Или же многіе изъ нихъ, поставленные въ невозможность снестись съ Бѣлой Криницей, переходили въ безпоповство. Изъ безпоповцевъ тѣ, которыхъ правительственная классификація относила къ менѣе вреднымъ, переходили въ категорію болѣе вредныхъ, или же вообще разрывали съ „древнимъ благочестіемъ“ и переходили въ такія секты, въ которыхъ не требуется сложнаго богослужебнаго ритуала, и принадлежность къ кототорымъ слѣдовательно тѣмъ легче можно было укрыть отъ полицейскаго надзора. Непризнаніе государствомъ раскольничьихъ браковъ расшатывало семейные устои; мужья, ссылаясь на законъ, могли бросать женъ, жены—убѣгать отъ мужей, дѣти лишались судебной защиты по вопросамъ наслѣдства и опеки, а между тѣмъ недобросовѣстнымъ лицамъ давалась полная возможность расхищать чужое добро и оставлять безъ пріюта и безъ средствъ осиротѣвшія семьи. Въ числѣ великихъ реформъ покойнаго Государя Императора Александра II не послѣднее мѣсто занимаетъ законъ 19 апрѣля 1874 г., благодаря которому раскольники получили возможность заключать браки законные, признаваемые государствомъ, со всѣми законными послѣдствіями, вытекающими изъ браковъ для жены и для дѣтей. Этимъ не только оказана справедливость страждущимъ людямъ, но и положенъ конецъ вредному для государства явленію. Затѣмъ коронаціоннымъ закономъ Государя Императора Александра III отъ 3 мая 1883 г., кромѣ признанія за раскольниками разныхъ гражданскихъ и политическихъ правъ, имъ дозволено, съ значительными, впрочемъ, ограниченіями, творить общественную молитву, исполнять духовныя требы и совершать богослуженіе по ихъ обрядамъ, какъ въ частныхъ домахъ, такъ равно въ особо предназначенныхъ для сего зданіяхъ, безъ нарушенія при этомъ общихъ правилъ благочинія и общественнаго порядка.

Если факты исторіи имѣютъ какой нибудь смыслъ, если мы въ правѣ дѣлать изъ нихъ разумные выводы; то на два упомянутые закона нельзя смотрѣть, какъ на послѣднее слово законодательства, какъ на крайній предѣлъ тѣхъ облегченій и уступокъ въ пользу раскольниковъ, дальше которыхъ не куда было бы идти. Напротивъ, въ этихъ великихъ актахъ государственной мудрости, какъ бы рѣзко ни различались они отъ предшествовавшаго законодательства, правильнѣе будетъ видѣть зарю—предвѣстницу того свѣтлаго дня, когда вѣротерпимость и свобода совѣсти преодолѣютъ всѣ препятствія, которыя стоятъ имъ теперь на пути. Русскій расколъ имѣетъ право желать, чтобы ему предоставлено было въ русской землѣ столь же опредѣленное положеніе, какимъ пользуются разные иновѣрцы нехристіанскихъ исповѣданій въ предѣлахъ широкаго русскаго государства: евреи, магометане и язычники. Нерѣдко говорятъ и говорили, что нельзя признать за особое вѣроисповѣданіе такое ученіе, которое не имѣетъ своихъ основныхъ, конститутивныхъ принциповъ, послѣдователи котораго сами не знаютъ, зачѣмъ они остаются внѣ церкви, такъ какъ, говорятъ, обряды—не догматы вѣры, и изъ за обрядовъ нельзя отдѣляться отъ церкви. Разсуждая такъ, впадаютъ въ глубокую ошибку. Въ настоящее время, пожалуй, любой семинаристъ съумѣетъ болѣе правильно различать обрядъ отъ догмата, чѣмъ старинные архіереи и соборы. Но не слѣдуетъ насильственно навязывать, хотя бы и болѣе правильныя мнѣнія, людямъ, держащимся другихъ мнѣній въ области религіи. Взглядъ раскольниковъ есть старинный русскій взглядъ, что старые обряды суть догматы вѣры: ничего не можетъ быть яснѣе и опредѣленнѣе этого взгляда,—онъ именно и даетъ этой религіозной партіи ея отличительную физіономію. Взглядъ, разумѣется, не особенно просвѣщенный; но если бы спросить и громадное большинство православныхъ христіанъ, чѣмъ они отличаются отъ послѣдователей другихъ христіанскихъ вѣроисповѣданій, то и они едва ли бы въ состояніи были

указать на что либо другое, кромѣ обрядовъ. Съ другой стороны, идеализировать расколъ, облекать его поэтическимъ свѣтомъ древне-русской религіи, конечно, нѣтъ никакого основанія. Извѣстный изслѣдователь раскола Щаповъ до нѣкоторой степени былъ правъ, когда говорилъ, что расколъ въ умственномъ отношеніи есть не что иное, какъ отрицаніе просвѣщенія, та темная масса, въ которой скопилась вся древнерусская мгла, весь древнерусскій хаосъ заблужденій и суевѣрій, какъ только началъ озарять русскую землю лучъ просвѣщенія, а въ нравственномъ отношеніи есть не что иное, какъ плодъ тѣхъ нравственныхъ недостатковъ, которые заражали въ XVII в. большую часть русскаго народа. Отзывъ преувеличенный! Не одни только умственныя и нравственныя отребія русскаго народа примкнули къ расколу. Худы ли, хороши ли были старинные русскіе люди,—такими они и примкнули къ расколу, такими же они остались даже въ дальнихъ сторонахъ, куда ихъ заносила судьба во время преслѣдованій, которымъ они подвергались въ Россіи. Занесенные напр. въ австрійскую Буковину, раскольники какъ бы окаменѣли въ томъ состояніи и въ томъ видѣ, въ какомъ они явились туда въ первый разъ. Они устроились тамъ со всѣми особенностями стариннаго добропорядочнаго великорусскаго деревенскаго быта и со всѣми своими праотеческими нравами и привычками. Въ 1816 году, императоръ Александръ I, находясь въ Австріи, не безъ удовольствія смотрѣлъ на представленныхъ ему австрійскимъ императоромъ липованъ, т. е. проживавшихъ въ австрійской Буковинѣ, чистѣйшихъ представителей великорусскаго типа разнаго возраста, которые даже языкъ свой уберегли отъ иностранныхъ словъ и иностраннаго акцента. Не безъизвѣстно и то также, что грамотность вообще больше развита между раскольниками, чѣмъ между православными. И тѣмъ не менѣе, смотря на расколъ съ возможнымъ безпристрастіемъ, не преувеличивая его недостатковъ и не позволяя себѣ характеризовать расколъ, какъ синонимъ умственной тьмы и нравственной порчи, нельзя не признать—

ся, что покровительство расколу, выходящее за предѣлы общаго признанія его въ государствѣ, означало бы шагъ назадъ, а не впередъ. Побѣды и завоеванія раскола были бы крайне сомнительными показателями русскаго прогресса. Обрядъ и буква, неподвижность, окаменѣлое прошедшее, мало продуманная, брезгливая и самодовольная, національная изолированность,—вотъ тѣ черты, которыя всегда отличали и будутъ отличать расколъ, пока онъ остается расколомъ. Для будущности церковно-политическаго развитія Россіи, такія черты не могутъ внушать не только розовыхъ, но и сколько нибудь успокоительныхъ надеждъ.

При императорѣ Николаѣ, когда пассивное сопротивленіе раскола правительственной системѣ приняло наиболѣе острый характеръ, многіе изъ раскольниковъ поповцевъ высказывали желаніе принять „единовѣріе“ на менѣе стѣснительныхъ условіяхъ, сравнительно съ правилами митрополита Платона, т. е. съ безусловнымъ уравненіемъ обоихъ обрядовъ, съ дарованіемъ единовѣрцамъ особыхъ архіереевъ и т. д. Этотъ путь и будетъ всегда самымъ вѣрнымъ путемъ къ устраненію религіозной розни въ русскомъ народѣ. Но образовавшуюся втеченіе вѣковъ пропасть не заровнять въ одинъ моментъ и за одинъ пріемъ. На какихъ бы свободныхъ условіяхъ ни было допущено единовѣріе, невозможно предполагать, чтобы всѣ раскольники были увлечены имъ. Признаніе поповскихъ и безпоповскихъ обществъ въ той мѣрѣ, въ какой признаны еврейскія, магометанскія и другія религіозныя общества, есть неминуемый выводъ не изъ принципіальныхъ только положеній о свободѣ совѣсти, но и изъ фактовъ исторіи. Ни мѣры стѣсненія и преслѣдованія не въ состояніи были сломить расколъ; ни православное духовенство не оказалось въ силахъ поглотить расколъ путемъ ученія и убѣжденія. Съ уравненіемъ раскольниковъ съ послѣдователями другихъ религіозныхъ обществъ въ гражданскихъ и политическихъ правахъ, съ дарованіемъ имъ свободы богослуженія, должно быть признано оффиціально въ своемъ положеніи и раскольничье духо-

венство: архіереи и священники въ поповствѣ, наставники и учители въ безпоповствѣ. Отсюда получится та существенная выгода для государства, что оно пользуясь своимъ правомъ признанія раскольничьихъ духовнодолжностныхъ лицъ, будетъ имѣть возможность требовать отъ нихъ извѣстнаго умственнаго и нравственнаго ценза, вмѣсто того чтобы отдавать темную массу въ жертву внушеніямъ невѣжественныхъ людей, или безсовѣстныхъ авантюристовъ, какъ это существуетъ теперь. Затѣмъ, брачные союзы,—немаловажный предметъ государственныхъ попеченій—, не проиграли бы, а выиграли въ своей крѣпости съ оффиціальнымъ признаніемъ раскола. Если у насъ признается почти за ходячее положеніе, что церковное благословеніе браковъ есть наиболѣе сообразный съ духомъ русскаго человѣка способъ заключенія брачнаго союза: то на какомъ основаніи возможно было бы думать, что дозволеный закономъ 1874 г. способъ заключенія брака чрезъ внесеніе въ метрическія книги полицейскихъ и волостныхъ правленій можетъ удовлетворить религіозно нравственное чувство русскихъ раскольниковъ? Послѣдовательность требовала бы придать раскольническому религіозному обряду то же значеніе, какое придается православному обряду вѣнчанія.

Но между безпоповцами есть фракціи противо-государственныя, и между раскольничьими сектами вообще есть такія, которыя рѣшительно непримиримы съ условіями благоустроеннаго человѣческаго общежитія. Ни одно государство въ мірѣ не можетъ признать и легалилизировать существованіе религіозныхъ обществъ, проповѣдующихъ, что глава государства есть антихристъ, возводящихъ въ религіозный догматъ развратъ, самоизуродованіе, или бродяжничество. Не о признаніи и рѣчь нужно вести по отношенію къ такимъ сектамъ. Можно говорить лишь объ извѣстномъ снисхожденіи къ немощной совѣсти неразвитыхъ людей; можно доказывать, что преслѣдованіе за одну лишь принадлежность къ подобной сектѣ не приведетъ къ добрымъ послѣдствіямъ, что, съ другой стороны, преступленія, совершаемыя подъ маской религіи,

должны быть подвергаемы заслуженному наказанію. Но пока преступныхъ фактовъ нѣтъ на лицо, не зачѣмъ доводить религіозной слѣпоты невѣжественныхъ людей до религіознаго фанатизма. Что касается въ особенности взгляда на царя, какъ на антихриста, то, къ чести русскихъ раскольниковъ, исторія свидѣтельствуетъ, что этотъ взглядъ былъ не плодомъ зрѣлаго размышленія, а порывомъ разраженнаго преслѣдованіями чувства, которое было тѣмъ острѣе, и больнѣе, что православный царь долженъ бы былъ, по древнерусскимъ понятіямъ ревнителей древняго благочестія, стоять на ихъ сторонѣ, а вмѣсто того ихъ преслѣдовали именемъ царя. Но и при всемъ раздраженіи напр. противъ личности Петра Великаго, раскольники самую особу царя считали настолько священною, что Петра представляли себѣ не царемъ законнымъ, а самозванцемъ. Царь Петръ Алексѣевичъ, говорили раскольники, былъ царь благочестивый, но онъ уѣхалъ за море и пропалъ безъ вѣсти; а вмѣсто его пріѣхалъ изъ за моря въ Россію принявшій его видъ жидовинъ отъ колѣна Данова, сирѣчь антихристъ; по пріѣздѣ въ Россію онъ отослалъ царицу въ монастырь, царевича убилъ, а самъ женился на нѣмкѣ и заполонилъ всю русскую землю нѣмцами. Въ послѣдствіи Петръ III издалъ первый по времени снисходительный законъ о раскольникахъ. Въ первый разъ раздалось тогда слово царскаго снисхожденія къ расколу. Раскольникамъ, бѣжавшимъ въ Польшу и въ другія страны, дозволено вернуться на родину, поселяться въ Сибири и въ разныхъ назаселенныхъ мѣстностяхъ Россіи. Приэтомъ воспрещено было дѣлать имъ какія либо препятствія въ содержаніи закона по ихъ обыкновенію и старопечатнымъ книгамъ, „ибо внутри всероссійской имперіи проживаютъ и иновѣрцы, магометане и идолопоклонники „а они, раскольники,—христіане, только лишь состоящіе въ застарѣломъ суевѣріи и упрямствѣ; этому застарѣлому суевѣрію и упрямству нужно противодѣйствовать другими мѣрами, не принужденіемъ и огорченіемъ ихъ, отъ котораго они бѣгутъ за границу, и тамъ въ томъ же состоя-

ніи упрямства, множественнымъ числомъ, проживаютъ безполезно. Впечатлѣніе, произведенное этимъ закономъ, было столь громадно, что явилась секта, обоготворившая императора Петра III. Не безъизвѣстно также, что русская революціонная пропаганда, повидимому имѣвшая полное основаніе разсчитывать на людей, усматривающихъ въ царѣ антихриста, никогда не могла найдти для себя удобной почвы въ русскомъ расколѣ. Во всякомъ случаѣ опыты исторіи и здравый смыслъ говорятъ, что, съ устраненіемъ причины, должны устраниться и послѣдствія. Самыя непримиримыя фракціи раскола выродились изъ первоначальнаго раскола, и можно думать, что, съ государственнымъ признаніемъ раскола первоначальнаго, въ его чистомъ видѣ, когда расколу будетъ дано легальное существованіе, непримиримыя фракціи потеряютъ raison d'être и возвратятся туда, откуда онѣ вышли. Здравый смыслъ человѣческій вступитъ въ свои права и подскажетъ сектантамъ, что если когда либо существовалъ порядокъ жизни, съ которымъ они не считали возможнымъ примириться, то нѣтъ причинъ относиться съ ожесточенною враждою къ радикально-измѣнившемуся порядку. Въ этомъ отношеніи не мало хорошихъ послѣдствій повлекутъ за собою облегченіе и упрощеніе паспортной системы, а также отмѣна подушной подати, къ которымъ раскольники всегда чувствовали какое-то органическое, непреодолимое отвращеніе.

Что касается церковнаго правительства, то ему нельзя забывать, что происхожденіе раскола было не грѣхомъ только раскольниковъ, а грѣхомъ общерусскимъ и общецерковнымъ. Расколъ не виноватъ въ томъ, что само же церковное правительство нѣсколько столѣтій смотрѣло какъ на догматы, на такія обрядности, которыя впослѣдствіи найдены были неправильными. Расколъ не виноватъ въ томъ, что церковное правительство, вмѣсто того чтобы дѣйствовать противъ ревнителей старой вѣры единственно цѣлесообразнымъ средствомъ—евангельскимъ ученіемъ и распространеніемъ просвѣщенія, прибѣгло къ анаѳемѣ и уголовнымъ карамъ и тѣмъ самымъ довело раскольниковъ до раздраженнаго

фанатизма. Раскольники вполнѣ ясно понимали, что церковное правительство дѣйствуетъ противъ нихъ не такъ, какъ бы слѣдовало, что, отказавшись отъ ученія и вразумленія, оно отдало ихъ въ жертву физическому насилію. Въ застѣнкахъ, гдѣ производились пытки, говорили раскольники, „предстоятъ учители нѣмые, вмѣсто евангелія кнутомъ и вмѣсто апостола огнемъ просвѣщающе“. Найдется, пожалуй, не мало людей, которые будутъ съ немалымъ усердіемъ доказывать, что церковное правительство неповинно во всѣхъ тѣхъ преслѣдованіяхъ, которымъ подвергались раскольники, что свѣтское правительство, по собственной иниціативѣ, на свой страхъ и для собственнаго, такъ сказать, удовольствія, расправлялось съ сектантами. Но правдивая исторія не допускаетъ въ этомъ случаѣ никакихъ софизмовъ.

Не могли внушать раскольникамъ добрыхъ чувствъ и тѣ полемическіе пріемы, къ которымъ долгое время прибѣгали православные писатели въ своихъ сочиненіяхъ и статьяхъ противъ раскола. Такъ напр. двуперстіе, одинъ изъ самыхъ дорогихъ для раскола обрядовъ, обзывалось аріанствомъ, латинствомъ, еретичествомъ, аріевою пропастью злобожнаго раздѣленія, вратами во адъ низводящими, демоновымъ сѣдалищемъ, армянскимъ кукишемъ, чортовымъ преданіемъ, волшебнымъ знаменіемъ, хиромантіей. Большая часть изъ этихъ ругательствъ печаталась въ книгахъ, выходившихъ съ одобренія синода, даже въ богослужебныхъ книгахъ.

Разъ церковное правительство вступило на путь не евангельскій,—ему уже не трудно было, идя по наклонной плоскости, дойдти до прискорбной, такъ мало согласующейся съ характеромъ православной церкви, мысли,—до мысли о подлогѣ. Составлено было подложное дѣяніе небывалаго кіевскаго собора на небывалаго сретика Мартына армянина, изъ котораго явствовало, что еще въ 1157 г. будто бы церковный соборъ въ Кіевѣ осудилъ еретика, учившаго какъ разъ тому, чему учили раскольники, т. е. двуперстію, сугубой аллилуіѣ, хожденію посолонь и проч.

Соблазнъ былъ не малый, когда обитатель глухихъ керженскихъ лѣсовъ, нѣкій дьяконъ Александръ, разобралъ это дѣяніе по всѣмъ правиламъ науки, указалъ историческіе анахронизмы, филологическія и палеографическія несообразности и доказалъ съ очевидностію подложность этого „дѣянія“. Упоминать ли еще о другихъ грѣхахъ синода, какъ напр. о разореніи часовенъ, объ отмѣнѣ крестныхъ ходовъ, причемъ искоренители суевѣрій, члены новоучрежденнаго синода, дѣйствовали такъ круто и необдуманно, что, за отсутствіемъ императора Петра, сенатъ счелъ нужнымъ вмѣшаться въ это дѣло. Въ іюлѣ 1722 г. господа сенатъ призвали синодальнаго оберъ-секретаря и говорили ему, что отъ разоренныхъ часовенъ разбросаны кресты и главы и валяются безъ призору, отъ чего происходитъ большой соблазнъ; также и крестныхъ ходовъ отмѣнять не слѣдуетъ, говорилъ сенатъ; если синодальнымъ персонамъ ходить самимъ нѣтъ времени, то можно было бы опредѣлить кого нибудь изъ свободныхъ.— Спрашивается, какими глазами долженъ былъ смотрѣть на все это ревнитель „древняго благочестія“, уже и безъ того оплакивавшій погибель истинной церкви и наступленіе послѣднихъ временъ?

Нѣтъ достаточныхъ причинъ ожидать, и даже едва ли есть настоятельные поводы желать, чтобы старинный русскій обрядъ и „древнее благочестіе“ были окончательно вычеркнуты изъ исторіи. Но есть полное основаніе предполагать, что весь расколъ цѣликомъ соединится съ церковью, съ удержаніемъ дорогихъ ему обрядовъ. Эта цѣль будетъ достигнута, конечно, не „учителями нѣмыми“, по выраженію раскольниковъ, а учителями словесными, полной религіозной свободой, свободнымъ обмѣномъ мнѣній, при взаимной терпимости и взаимномъ уваженіи, и успѣхами просвѣщенія.

ОПЕЧАТКИ.

Стран.	Строк.	Напечатано:	Слѣдуетъ читать:
11	4 снизу	со всѣмъ	со всѣми
16	1	нашлась	нашлись
—	послѣдняя	Рѣшеніе это не бы-	Рѣшеніе это не было
17	1	плодотворны	плодотворно
19	20	неблагоразуміе	благоразуміе
27	предпослѣд.	негодованіе	негодованіе
49	12	фанантизма	фанатизма
—	14—15	заулкамъ	закоулкамъ
—	27	своегс	своего